Георгий Ланской

Танцы мертвых волков

Георгий Ланской

Танцы мертвых волков

«Автор»

2010

Ланской Г. А.

Танцы мертвых волков / Г. А. Ланской — «Автор», 2010

Размеренная жизнь небольшого города постепенно превращается в кошмар. За короткое время несколько жителей найдены мертвыми. Жертвы разного пола, возраста и социального положения, и объединяет их лишь одно – на теле каждой обнаружена игральная карта. Милиция бессильна, и тогда неугомонные журналисты Никита Шмелев и Юлия Быстрова начинают собственное расследование. Они уверены: серийные преступления связаны с загадками их собственного прошлого. Ведь после каждого преступления неизвестный убийца звонит Юлии с мобильного телефона жертвы…

© Ланской Г. А., 2010
© Автор, 2010

Содержание

Пролог 5
Часть 1 8
Юлия 8
Кирилл 13
Юлия 21
Кирилл 27
Часть 2 31
Игорь 31
Кирилл 34
Олег 41
Кирилл 44
Юлия 46
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Георгий Ланской
Танцы мертвых волков

Пролог

Она забилась в густой кустарник, стараясь не шевелиться. Грудь вздымалась от прерывистого дыхания, которое казалось оглушающее громким. Настолько громким, что она зажала рот рукой, опасаясь, что колотящееся сердце выпрыгнет. Глаза испуганно озирали окрестности сквозь ветки и листву. Но вокруг было темно, слишком темно, чтобы увидеть, где притаилось чудовище.

Над головой чернело небо, тяжелое и плотное, словно шелковый занавес, в котором кто-то ради шутки проделал дыры тонкой иглой, а потом спрятал за ним яркую лампу. Колючие звезды равнодушно смотрели вниз и в дела людей не вмешивались. До озябшей, перепуганной до смерти девушки им не было никакого дела. Густые ветки ивняка, которым порос крутой глинистый берег реки, склонялись над тоненькой фигуркой, прикасаясь к ее обнаженной шее кривыми пальцами. Каждый раз, когда это происходило, девушка инстинктивно вздрагивала и с трудом подавляла желание броситься бежать со всех ног.

Казалось, что ночь жадно прислушивалась к каждому шороху с нездоровым любопытством прильнувшего к замочной скважине соглядатая. Ей было интересно все: и редкие нервные уханья сов, и шум города, еще не заснувшего, но уже удобно устроившегося у телевизора с пультом в расслабленной руке, и лениво плескавшаяся черная река, в которой отражалась луна – самая одинокая девушка во Вселенной. Ночь слышала каждого. Пожалуй, только она была свидетелем странной погони.

Город еще не спал. И он был очень близко. От поросшего ивами берега его отделяла пара сотен метров, серебристые трубы теплоцентрали и лента серого асфальта. А еще в нескольких метрах, за серыми стенами типовых многоэтажек, теплилась чья-то семейная жизнь, у кого-то спокойная, наполненная любовью и уважением, у кого-то бурная, с едкой неприязнью и даже ненавистью. Но это сейчас было неважно. Главное – там, за желтыми окнами, были живые люди. Они могли помочь. Даже самые равнодушные, трусливо выключавшие свет и делавшие вид, что уже спят, для притаившегося хищника были опасными свидетелями. В конце концов, даже трусы могли поднять трубку и вызвать милицию. И отчаянно трясущаяся в своем мокром платьице девушка очень хотела стремглав помчаться туда, к людям. Но для этого нужно было выползти из спасительной норы и пересечь пару сотен метров через скользкий и глубокий овраг. Выбираться на привычную тропинку, ведущую к пляжу, было опасно. Во-первых, из-за вчерашнего дождя глинистую дорожку размыло, ноги увязли бы в ней мгновенно. Во-вторых, именно там ее мог поджидать монстр…

Пляж, куда вела извилистая тропинка, был безлюден. Охотников купаться в такую холодную ночь не нашлось. Влюбленные парочки не рискнули спуститься вниз, выбрав сегодня более подходящие места для прогулок. Не валялись под кустами компании выпивох, никто не жарил шашлыков. Берег был пуст.

Огоньки окон, видимые сквозь путаные ветви деревьев, гасли. Далекий смех подгулявшей компании исчез в каменных мешках дворов. С уходом последнего посетителя резко прервались бухающие звуки басов из кафе. Будний день брал своё без остатка. Завтра снова на работу, поэтому нужно лечь пораньше.

Девушка, сидевшая на корточках под кустом, зябко поежилась и, поморщившись, осторожно прикоснулась к запястью, на котором красовалась рваная рана, оставленная клыками животного. Луна насмешливо улыбалась с небес, поощряя ночной разбой. Вокруг далеких

фонарей металась сумасшедшими болидами мошкара. Все вокруг казалось неживым, неестественным, и даже город с его гулкими шумами на фоне мрачноватой атмосферы напоминал таинственное видение мира мертвых, в который так верили индейцы-алгонкилы. Ведь именно они по своей дремучести (а может, напротив, исключительно из мудрости) считали волка не просто санитаром леса, а хозяином мертвого царства.

От реки веяло холодом, сырым, противным, впивающимся в кости и кожу ледяными буравчиками. С другого берега доносился надрывный вой, от которого хотелось зажать уши и втиснуться в землю, пусть мокрую, пусть холодную, дающую призрачную тень безопасности. Возможно, это выла чья-то собака. Но в голову, где мысли и без того скакали перепуганными зайцами, лезла другая мысль: а вдруг это волк? Логичный довод, что волку через реку не перебраться, почему-то не успокаивал. В отупевшей от усталости голове пульсировала мысль: а вдруг волк придет… с ним?

Пронизывающий ветер, дувший с реки, раскачивал ветки, готовые запустить свои корявые щупальца за ворот платья. Прокушенная рука горела огнем. Слабые шорохи, доносившиеся отовсюду, лишь усиливали тревогу. Пальцы на ногах совсем окоченели. Туфли были забиты грязью и глиной, но снять их сейчас девушка не решалась, поскольку неуместные здесь шпильки были единственным, что помогало нащупать твердую почву под ногами, вцепиться в остатки здравого смысла и не дать себе в панике броситься прочь, не разбирая дороги, в сторону равнодушного к ее бедам города.

В тот самый момент, когда она внимательно, насколько позволял густой кустарник, оглядела овраг, отделявший ее от дороги, и уже приготовилась бежать, в низине мелькнула приземистая тень. Стрекочущие сверчки предусмотрительно затаились.

Ноги свело судорогой. Значит, ей все-таки не мерещилось. Монстр ждал ее и затаился там, в овраге, преграждая путь к спасению.

Бежать к городу нельзя! Ни в коем случае!

Девушка в отчаянии бросила взгляд на высотки, а потом в панике огляделась по сторонам. И только тут, когда ее взор натолкнулся на ровную линию огней, в голову пришла спасительная мысль. Там, примерно в полукилометре над рекой высилась плотина, а на ней – о, чудо! – пост охраны. Только вот от того места, где она пряталась, дороги к плотине не существовало. Нужно было пробежать по широкой дуге крутого глинистого берега, форсируя кусты и минуя неглубокий, поросший степной травой овражек. Расстояние невелико, но почти весь путь пролегал по открытой местности. Девушка пожалела, что не спустилась вниз, к реке. Да, тот путь был куда дольше, опаснее, но уж там-то подкрасться к ней сзади не было никакой возможности.

Ветка треснула в двух шагах от ее убежища. Монстр нашел ее! Отчаянно взвизгнув, девушка вылетела из куста и стремглав понеслась к длинной линии светящихся фонарей. Больше она не тратила сил на крики. Тот визг был единственным, что она могла себе позволить. Кричать можно будет позже, поближе к вооруженной охране, которая сейчас наверняка пьет горячий чай, смеется над плоскими анекдотами и даже не думает, что совсем рядом, едва касаясь земли, за перепуганной жертвой летит плотоядный монстр.

Она пробежала почти половину пути, миновала овражек и с трудом вскарабкалась наверх, прежде чем осознала, что поступила неправильно. Все-таки следовало бежать к городу. Но сейчас сворачивать было поздно. С того места, куда она добралась, от реки город отрезала бетонная стена. Спасительные огни плотины били в глаза. Отчаянная надежда на избавление подарила девушке второе дыхание, и она помчалась по краю берега. И в тот самый момент, когда до плотины оставалось не более сотни метров, нога девушки наступила на размокший глиняный пласт, и тот отвалился от берега.

С отчаянным криком, в тщетных попытках уцепиться за что-нибудь девушка полетела вниз, кувыркаясь по обрыву безвольной куклой. В рот набилась мокрая почва. Ослепляющая

боль парализовала на пару мгновений. Она успела выдохнуть и тут же упала в реку, на песчаную отмель, окруженную зарослями камыша. Хлебнув пахнувшей тиной воды, девушка, откашливаясь, вынырнула и судорожно вдохнула. Потревоженные ее падением сверчки, облюбовавшие густую траву на берегу, снова принялись выводить любовные трели.

Она застонала и медленно поднялась на ноги. Разорванное платье прилипло к телу второй кожей. Плотина нависала над рекой светящейся громадой, но теперь, чтобы добраться до поста, следовало подняться наверх, по почти отвесному склону. Девушка сделала несколько шагов и, подвывая от боли, поползла по склону, цепляясь за выступы и редкие кустики, отважившиеся поселиться здесь, в сплошной глине.

Она не сразу поняла, что за спиной воцарилась зловещая тишина. Сверчки снова смолкли. Осознание пришло к ней унылым воем на противоположном берегу, за мгновение до того, как костлявые лапы вцепились ей в ноги и сдернули вниз. И только тогда она позволила себе закричать, вложив в отчаянный вопль всю силу легких.

Мощный толчок вновь опрокинул ее в воду. Стальные пальцы вцепились в шею и безжалостно придавили к дну. В тщетной попытке вырваться она молотила руками по воде, стараясь оттолкнуться от вязкого ила и вырваться из смертельных объятий чудовища. Но монстр превосходил ее и по силе, и по ловкости. Она боролась всего несколько секунд. Сомкнувшиеся на горле пальцы вынудили ее инстинктивно открыть рот, и тогда холодная черная вода хлынула в легкие.

Оказывается, холодная вода обжигает не хуже кислоты. И это очень больно. Девушка рванулась из последних сил, ломая ногти о намокшую джинсу убийцы, но он так и не разжал рук. Увидев в мутной от борьбы воде светящуюся точку, пульсирующую и волшебно-прекрасную, она уцепилась за нее стекленеющим взором. Точка рванулась вперед светящимся тоннелем, принимая жертву в свои теплые объятия.

Сверчки вновь принялись стрекотать, не обращая внимания на то, как темная фигура вытаскивает из воды что-то белесое и безвольное. Луна, не пожелав лицезреть картины чудовищной расправы, с запоздалой поспешностью нырнула в облако. Поэтому даже она не видела, как в ночи засветился дисплей мобильного телефона, и тонкие губы вкрадчиво сказали в темноту:

– Здравствуй, красавица!

Часть 1
Бубновая десятка

Юлия

Я люблю быть одна.

Вырвавшись из семейного гнезда, отчетливо понимаешь, какое это счастье, когда тебя никто не ждет, не дергает, не заглядывает в глаза, вопрошая при этом, почему ты такая бука. Когда ты одна, не приходится делать умное лицо и держать спину ровно. Тебе легче думается, потому что никто не гремит над ухом кастрюлями, не смотрит футбол, не просит поиграть «в такую интересную игру! Смотри: главное – перейти на второй уровень, взять артефакт и замочить гоблина…» Мы редко остаемся одни. Нас окружают люди, звуки, чужие пространства, пересекая границы которых, ты рискуешь покрыться ледяной коркой, обвариться кипятком или уколоться о колючие шипы. Мы общаемся, улыбаемся, забывая о мимолетных встречах и случайных знакомых. Мы живем стаей, но умираем в одиночку, запираясь в тесной скорлупе сознания, наедине с мрачными мыслями.

Я люблю быть одна. С тех пор как я вышла замуж, мне не хватает одиночества. До вчерашнего дня мне почти не на что было жаловаться. Дом – полная чаша, любимая работа (правда, на ней приходилось общаться с кучей людей, большей частью незнакомых, улыбаться и делать вид, что они тебе безумно нравятся) и, как я думала до определенного момента, любящий муж. Сейчас мне казалось: люди, считавшие, что хорошее дело браком не назовут, правы, сто раз правы. В свете последних событий мне нужно было подумать. Но уединиться в собственном доме было негде. Поэтому я сидела тут.

Гул вечернего города разбавлял вязкую тишину комнаты. Здесь, в этой неуютной, казенной квартире все было чересчур, несмотря на все попытки придать ей вид уютного гнездышка. Хозяева сделали добротный ремонт, оклеили стены дорогими обоями, стену в прихожей выложили искусственным камнем, эффектно обрамляющим текстурную штукатурку. Потолок украшала массивная люстра под старину, якобы с чугунными завитушками, цепями и литыми украшениями. Треть комнаты загромождала кровать с пышным синим покрывалом в оборочках, россыпью подушек и дурацким балдахином, ненужным, диссонирующим как по цвету, так и по фактуре.

Кухня была обставлена более скупо. Хозяева здраво рассудили, что жильцы, снимавшие эти квадратные метры на несколько дней, вряд ли будут проводить здесь много времени и изощряться в кулинарии. Холодильник был старым, крохотный столик, едва втиснувшийся в пространство между ним и шкафом, – щербатым, а табуреты – явно от другого гарнитура. В шкафу – казенный набор съемных квартир: крохотная кастрюля, сковорода, четыре бокала, два граненых стакана, шесть разномастных рюмок, несколько ложек и три вилки. Над столом в прозрачной файловой папке висели набранные на компьютере правила проживания. Принтер, на котором распечатывали эту никем не соблюдаемую муть, был довольно дохлым. Строчки двоились, налезали друг на друга. Автор же сей нетленки явно не владел русским языком, поскольку в заголовке красовалось «Правела»…

В комнате бубнил телевизор, иногда взрываясь хохотом. Второй, как он сам думал, по значимости канал развлекал аудиторию юмористическим шоу. Потасканные артисты невыразительно пересказывали старые анекдоты, корчили рожи и покатывались со смеху, делая вид, что слышат все впервые. Непотопляемая ведущая руководила этой вакханалией, принимая положенные ей по статусу лесть и подхалимство. Артисты восторженно напоминали зрителям,

что именно она вывела их в люди. Ведущая соглашалась и незаметно, по ее мнению, подчеркивала это. Смотреть на все это было невыносимо, слушать тоже, но переключить на что-то еще – невозможно. Потому что там наверняка была бы музыка, интересная информация, возможно, захватывающий фильм. А это было совсем не к месту.

Ситуация, надо признать, была банальной, но легче от осознания этого факта как-то не становилось. Вот я и сидела за кухонным столом, поджав одну ногу и опираясь локтем о другую. Девятый этаж высотки смотрел желтым глазом на галдящий город с его суетным мельтешением. Здесь было хорошо думать. Именно это мне и требовалось в данное время.

Единственное, что примиряло меня с этой кухней, – так это курица-гриль, лежащая прямо посредине стола кверху ножками. Освобожденная от сверкающей кольчуги фольги курица блистала великолепием. Приобретя ее по дороге с работы прямо в уличном киоске и усугубив покупку полукилограммовой упаковкой мороженого, я приехала сюда. Грустить в одиночку – это одно. Заесть переживания курицей и мороженым – совсем другое дело.

Город жил, но для меня он был пустым и вымершим, поскольку внутри тлела горькая обида. Нет, не так. Обида – с большой буквы. Незаслуженная, несправедливая, с горькой нотой предательства и намеком на измену. Телефон, валявшийся на столе, молчал, а самой звонить не хотелось, потому что женщине в наше время модно быть сильной.

Курица благоухала, призывая плюнуть на переживания. Я малодушно последовала древним инстинктам и вцепилась в сочный бок, вырвав ногтями длинный лоскут белого мяса вкупе с поджаристой сочной корочкой. Алчно урча, как голодная кошка, я впилась в него, и в этот самый момент телефон завибрировал, прыгая на столе. Мелодия из детского мультфильма о героическом мамонтенке сказала, что звонит отнюдь не тот, кого мне хотелось услышать. Спешно вытерев руки о бумажное полотенце, я схватила телефон.

– Ты где? – послышался в трубке недовольный, встревоженный голос матери. Она, как всегда, забыла поздороваться, что происходило в момент душевного волнения.

– А где «здравствуй, кровиночка»? – невнятно поинтересовалась я, спешно пережевывая пищу.

– Ты почему не дома, кровиночка? – поинтересовалась мать уже мягче. – Твой заезжал полчаса назад, думал, ты у нас.

– Значит, заезжал? Чего говорил?

– Да ничего. Даже в дом не стал проходить. Я тебе на работу позвонила, но Вильма сказала, что ты только что ушла. Поругались, что ли?

– Вроде того, – вздохнула я. – Странно, что он не позвонил.

– Так ты где? – спросила мать.

– Мама, не переживай. Квартиру сняла тут, рядом с работой.

– Зачем? Если ты не хочешь жить дома, могла бы прийти к нам… Что, у тебя денег много лишних?

– Мама! – прервала я быстрый поток материнских излияний. – Если бы я пришла к вам, он бы меня сразу нашел. Ну не стали бы мы перед вами сцену устраивать. А я не в состоянии сейчас ничего обсуждать.

Мама помолчала. То, что в семье дочери не все благополучно, она узнала впервые, но в моих интонациях безошибочно уловила звуки далекой грозы, соваться в которую не стоило.

– Я же теперь буду переживать, – вкрадчиво попыталась она вернуть блудную дочь в стойло. – Сидишь черт знает где, да еще поди голодная… Ну, пришла бы хоть поела, я плов сделала твой любимый, с лисичками…

– Мама, у меня тут все есть, – прервала я. – Я, кстати, сейчас ужинаю, а потом пойду спать. Мне с утра надо ехать на интервью к черту на рога. Не факт еще, что машина будет. В общем, я усталая, злая и, если честно, совершенно не хочу разговаривать.

– А потом что? – осторожно поинтересовалась мать. – Ты хоть скажи, в чем дело…

– Да шашни у Валерки на стороне, похоже, с лахудрой одной из городской администрации. Ему кровь из носа надо участок один выбить, а архитектурный отдел чего-то там быкует. Ну, он и искал какие-то обходные пути. Вот и нашел на мою голову…

– Ладно, – вдруг сдалась мама. – На ночь глядя, действительно, не стоит об этом говорить. Ты только скажи: сколько собираешься по чужим углам шататься?

– Валерка через два дня уедет, тогда домой и вернусь. Мне просто надо подумать.

– Если что, приходи к нам.

– Хорошо… Мам, у меня тут курица стынет. Я завтра позвоню, хорошо?

– Ладно, – смилостивилась она, – иди, ужинай. Позвони завтра, как приедешь…

Я раздраженно швырнула телефон на стол. Значит, заезжал… Очень интересно. Почему же не позвонил?

Теоретически Валера рассуждал правильно. Деваться мне особо было некуда. Если не вернулась домой с работы, на которой торчала весь день, значит, ушла к родителям. Я действительно не любила обременять родных своими проблемами, хотя казаться сильной женщиной иной раз было невыносимо и под сенью маминого крыла было тепло и уютно. Желание поделиться растущими, как снежный ком, проблемами было невероятным, но не заставлять же переживать еще и мать? Она, прямая и неспособная к обходным маневрам, при первой же встрече выложит зятю все, что о нем думает. Валерий, конечно, с тещей ругаться не будет, но потом ноги его не будет у моих родителей как минимум год. Заманить его туда будет впоследствии не просто и потребует длительного умасливания и уговоров.

Аппетит пропал. Курица мгновенно потеряла свою привлекательность. Я решительно открыла холодильник и вытащила бутылку, цена на которую была заботливо указана в прейскуранте, приколотом к стене портновской булавкой. Вино было скверным, цена – беспредельно завышенной, но сейчас мне хотелось выпить. Точнее, выпить красиво, со свечами, хрустальными бокалами, джазом в колонках и внимательным мачо на другом конце стола, с томным мутноватым взглядом андалузских очей. Осуществить задуманное не получалось по причине полного отсутствия требуемого реквизита. Бокалы оказались коньячными, небогатая фонотека могла предложить лишь шансон и попсу в самых ее неромантичных проявлениях, свечи и мачо отсутствовали как таковые.

Я набулькала себе полный бокал вина, подошла к окну и, прижавшись лбом к стеклу, мрачно уставилась вниз, на освещенную улицу, мелькавшую светлячками автомобильных фар. На город наваливалась ночь, сырая и неприятная после недавнего дождя, великая путаница тоскующих женщин, выходящих в такое время на охоту. После променадов по темным улицам искательницы приключений, как правило, просыпаются в постели с посторонним мужчиной и, сожалея о содеянном, бегут к родному очагу, зализывая раны, нанесенные самобичеванием. Впрочем, хватает и охотниц, для которых случайные связи с брутальными лишь во мраке самцами – дело обыденное, осуществляемое по принципу «всем козлам назло». Ночные кошки приходят к миске с подогретым молоком, когда заблагорассудится, и совершенно не думают о том, что хозяин, возможно, всю ночь дежурил на балконе и дергался от каждого шороха. Ночь – время свободных от предрассудков женщин и гулящих самцов… Ночь – пора обиженных жен, жаждущих реванша… Сколько случайных романов завязывалось в эти минуты? Сколько браков рушилось карточными домиками? Сколько особей обоего пола, поджимая хвост, возвращалось на привычную подстилку, чтобы потом, месяцами покорно снося тычки и издевательства, вновь сбежать в ночь на безумную охоту, пышущую сексом и свободой?

Телевизор бубнил и хохотал. Раздраженно оторвавшись от стекла, я направилась в комнату и нажала на кнопку пульта. Телевизор захлебнулся и смолк. Тишина вползла в квартиру змеиными кольцами. Больше всего мне хотелось что-то разбить, сломать… словом, наполнить этот мир синих обоев звуками. Схватив мобильный, я торопливо надавила на несколько

клавиш, заставив динамики тоненькой «Нокии» страдать вместе с солисткой готической рок-группы…

The world seems not the same,
Though I know nothing has changed.
It's all my state of mind,
I can't leave it all behind.
I have to stand up to be stronger[1].

Вино грелось в бокале, но больше пить не хотелось. Слезы наворачивались на глаза. Я упала в кровать и, свернувшись в клубочек, расплакалась. Певица рыдала вместе со мной, словно сочувствуя извечной женской трагедии. Брак летит в тартарары, провинившийся муж даже не позвонил, в итоге приходится утешать себя вином и готической музыкой.

I have to try to break free
From the thoughts in my mind.
Use the time that I have,
I can't say goodbye,
Have to make it right.
Have to fight, cause I know
In the end it's worthwhile,
That the pain that I feel slowly fades away.
It will be alright[2].

Я прослушала эту песню трижды, а потом, включив на мобильном будильник, заснула в непривычной кровати. Еще несколько минут, прежде чем провалиться в благодатную страну Морфея, я с обидой думала о муже, так и не отважившемся позвонить. Телефон лежал на прикроватной тумбочке, пульсируя зеленой лампочкой через равные промежутки времени, и тоже делал вид, что спит. Внутри методически отчитывал секунды будильник.

Сны после вина, тягостных мыслей и готической музыки были тревожными и путаными. Тоскливая мелодия преследовала меня даже там: я бежала по темной тропинке к крутому обрыву. В небе усмехалась полная луна, а ветер гнул кривые ветки деревьев.

Oh, this night is too long.
I have no strength to go on.
No more pain, I'm floating away.
Through the mist I see the face
Of an angel, who calls my name.
I remember you're the reason I have to stay[3].

Прошло немало времени, прежде чем я, выбираясь из дымки кошмара, сообразила: мелодия не мерещится. Она доносилась из истерически вибрирующего пластмассового тельца «Нокии». В первый миг недобрыми словами помянула идиота, разбудившего меня в… да, в

---

[1] Мир не кажется прежним, // Хотя я знаю: // Там ничего не изменилось, // Это просто игра сознания. // И уйти не могу, и забыть всё, что было, – // Придется остаться, и выстоять, стать сильней. (*англ.*) Фрагмент песни «Pale» («Within Temptation»).

[2] Прогнать бы все мысли, // Время еще есть – // Не могу попрощаться, // Я должна все сделать правильно, // Должна бороться, потому что знаю: // Оно того стоит, // Боль медленно утихнет. // Все будет здорово. (*англ.*) То же.

[3] Ночь слишком длинна – // Больше нет сил. // Хватит страданий – я отплываю. // Сквозь дымку вижу лик ангела, // Он произносит мое имя. // Я помню: единственная причина остаться – это ты… (*англ.*) То же.

три часа ночи. Потом мелькнуло легкое разочарование, что это все-таки кто-то посторонний, а не раскаявшийся супруг. Вряд ли тому приспичило бы звонить со скрытого номера. Ночные звонки не бывают приятными. Самые плохие новости обычно сообщают в это время. И там, на другой стороне, всегда оказывается рыдающая подруга или родственница, чья-то смерть или болезнь, или, в лучшем случае, перепутавший номер пьянчужка…

Или шутник, считающий звонок незнакомому человеку чем-то забавным…

– Алло, – глухо буркнула я. В трубке шумел ветер. Что-то царапало мембрану, заставляя думать о скрюченных паучьих ножках. – Алло? – раздраженно повторила я.

– Здравствуй, красавица, – произнес в ответ незнакомец.

– Привет, – невежливо ответила я. – Кто это?

Голос хмыкнул. Его эта ситуация почему-то забавляла.

– Тебе до смерти хочется это узнать? – ехидно спросил он.

Я выдохнула.

В отличие от мужа, которого по утрам следовало будить тормошениями, я просыпалась мгновенно, сразу включаясь в реальность. Ночные звонки еще в прошлом выработали у меня привычку класть телефон рядом с кроватью. Но сейчас, в чужой квартире, да еще в столь поздний час, беседовать с решившим поиграть в загадки чужаком не было настроения.

– В три часа ночи разгадывать ребусы у меня нет желания, – безжалостно отрезала я. – Так что если у тебя есть какое-то дело – говори. Если нет – спокойной ночи!

Незнакомец хихикнул. Отчетливо слышный колючий шорох ветра убеждал, что собеседник говорит откуда-то с улицы.

– Разгадывать ребусы тебе придется теперь постоянно. И преимущественно по ночам.

– Пошел к черту, – разозлилась я и отключилась.

Спустя мгновение телефон снова затрясся и заунывно запел флейтами. Дисплей остался чистым. Я нажала на сброс и нахмурилась. Через минуту телефон вновь зазвонил.

К счастью для меня и к несчастью для неизвестного собеседника, современные средства связи позволяют срабатывать будильнику, даже если мобильный выключен. Поэтому я, недолго думая, надавила на плоский бочок телефона и, дождавшись, когда дисплей погаснет, вновь устроилась на подушке. Звонок незнакомца не слишком расстроил. Единственное, чего я опасалась, так это вероятности не заснуть снова. Но страхи оказались напрасными. Спустя несколько минут я спала, и на этот раз лунные ухмылки уже не тревожили моего сна.

Кирилл

Я задрал голову и с неудовольствием сморщился. Похоже, лето в этом году позабыло к нам дорогу. Вот уже неделю серые тучи не давали солнцу ни единого шанса. Лужи и грязь, грязь и лужи… Сыро, мерзко, неуютно. На работу приходишь, уляпавшись по уши, потому что в микрорайоне в очередной раз прорвало трубы, и коммунальные службы разворотили асфальт. Теперь к автобусной остановке приходится пробираться партизанскими тропами, по кое-как брошенным хлипким досточкам, утопленным в лужах кирпичам, рискуя оступиться и увязнуть в мутно-рыжей глиняной жиже. Верная «копейка» трагически скончалась в гараже, отказавшись заводиться раз и навсегда. Так что из средств передвижения остались маршрутки и автобусы.

– Сдал бы ты ее на металлолом, что ли? – посоветовала утром отчаянно зевавшая Ольга, пока я во дворе с матами понукал мертвый «жигуленок».

– Это памятник автопрома, и должен охраняться государством, – пробурчал я и раздраженно пнул авто в линялый бок. «Копейка» мстительно скрипнула и отбросила левую дверцу как оторванное крыло. Ольга рассмеялась.

– Ты как хочешь, а я пошла на автобус. Лучше уж в нем выхлопными газами дышать, чем в нашем рыдване ехать с перспективой развалиться на части посреди дороги.

Я чмокнул супругу в щечку и взялся за безнадежный ремонт. Нужно было хотя бы дверь на место поставить, но, увы, часы тикали, машина сопротивлялась, а на работу хоть тресни, нужно было к девяти. И если день так паршиво начался, он и закончится препогано, это уж я знал наверняка.

Машина так и не завелась. Нервно ковыряя дверь, я подумал, что точно не смогу поставить ее на место, опоздаю на работу и получу от начальства очередной нагоняй. Когда дверца отвалилась в очередной раз, я, не придумав ничего лучше, откатил машину, притулив ее зияющим проемом к стене подъезда. Дворник дядя Коля, маявшийся с перепоя, помог пристроить авто и даже придержал оторванную дверь, пока я подпирал стену. Красть, по большому счету, в машине было нечего, но сограждане – народ упрямый. Не обнаружив магнитолы, вырвут с мясом все, что плохо держится. Трясясь в переполненном автобусе, я мрачно думал, что уже промочил ноги, вляпался в грязь и забыл дома взятые взаймы у приятеля инструменты. Так что скорее всего и на работе будет запарка…

День, как ни странно, проходил тихо. Бомжи не спешили покидать сухих подвалов и чердаков, сознательные граждане попрятались по домам, не тревожа милицию. Выехать из теплой дежурки, прогретой заботливо принесенным из дома практикантом Сашкой Семеновым обогревателем, пришлось всего один раз.

В крохотной хрущобе, куда нас отправил дежурный, я брезгливо смахнул со старого продавленного дивана какие-то огрызки и, пристроив кожаную папку на колени, начал составлять протокол. Кроме дивана, в комнате не было практически никакой мебели. Колченогая табуретка играла роль импровизированного стола. На ней стояла банка кильки, почти пустая бутылка водки, валялся огрызок огурца и две редиски. У стеночки похрапывал мужчина с синюшным испитым лицом. У балконной двери с ножом в спине остывал покойник. Семенов искоса поглядывал на труп и мужественно боролся с позывами рвоты. Затхлая, насквозь прокуренная халупа, подсыхающая лужа крови в прихожей, в которую практикант вляпался сразу же, смердящий хозяин и свежий жмурик – все это для неокрепшего милицейского организма было чересчур тяжкой нагрузкой.

Я усмехнулся: вспомни себя на первом трупе. Тогда ситуация тоже была неприглядной. Почти в такой же квартире скончалась старушка. Отопление жарило на полную катушку, и когда милиция и встревоженная соседка шагнули на порог, их буквально вымело волной

смрада. Старушка пролежала в квартире неделю. Оперов встретил тощий, отчаянно плачущий кот, опрометью бросившийся к их ногам. Животное потом жадно лакало на кухне воду, а я две недели старательно забывал, что постыдно грохнулся в обморок, когда увидел, что пальцы старушки обглоданы до костей…

Я нервно дернул плечами и мотнул головой, как стреноженная лошадь, прогоняя воспоминания. В конце концов, когда-то и я был молодым опером, только пришедшим на работу. Тогда, в квартире кота-людоеда, меня поддержал старый прожженный мент Михалыч, вливший в мою глотку полстакана водки. Михалыча потом застрелил студент из предназначенной для самообороны «Осы». Пуля попала Михалычу в висок, хоронить его пришел весь оперсостав, а студента отмазали богатенькие родители. Из зала суда он вышел под подписку о невыезде, а уже на следующий день уехал за границу, откуда не вернулся и по сей день. Вот такие пироги… Поэтому я не люблю мажоров, прожигающих жизнь на родительские бабки, о чем у нас в отделении хорошо известно. Хотя кто их любит, мажоров этих…

– Семенов, иди лучше протокол пиши, – позвал я. – Я тут сам все осмотрю.

Практикант с готовностью бросился на зов начальства. В конце концов, Семенов был хорошим парнем. Обогреватель вон из дома приволок, проставился, да и соображал неплохо… А первый жмурик – это первый жмурик. От них всегда тошнит и выворачивает наизнанку независимо от степени мужества и привычки. К сожалению, только в ментовских сериалах красивые покойники лежат в лужах кетчупа на тщательно вылизанном полу элитных квартир, широко раскрыв эффектно накрашенные глаза. У настоящих покойников веки частенько полуприкрыты, а взгляд как у тухлой рыбы. Да и находят их в основном в бомжатниках, на помойках и в подъездах. И нет в этом никакой романтики. Начальство за бомжей медалей не давало, правда, раскрываемость ползла вверх, поскольку зачастую рядом с покойником валялся в алкогольной дреме и убийца. Вот и сейчас мы с Семеновым ждали наряд, дабы те оттранспортировали труп в морг, а пьянчужку – в КПЗ.

Стоя на улице, я закурил и, отправив Семенова оформлять новоиспеченного заключенного, не спеша пошел по улице. До конца рабочего дня было еще два часа, вот только делать не хотелось ничего. Честно, я и сам не понимал, почему не поехал в отделение. Впрочем, где-то в голове шевелился червячок предчувствия, что на убитом в квартире алкаше день не кончится и еще до конца смены жизнь преподнесет подарочек сомнительного качества. Поэтому даже не удивился, когда мобильник истошно заверещал «Мурку». Блатной рингтон на вызовы с работы я установил давно, и начальство даже решило устроить мне выволочку, но в процессе устного порицания у полковника на сотовом заиграл «Владимирский централ». Полковник смял разговор и, нервно давя на кнопки, спешно ретировался за дубовые двери кабинета.

– Миронов, ты где? – забубнил дежурный. – Вы же вроде в девятнадцатом?

– Были, – осторожно ответил я. – Семенова с машиной отправил к вам, у него задержанный там… Оформишь?

– А ты сам где? – повторил дежурный, который к выкрутасам коллег был приучен и потоком слов не дал сбить себя с толку.

– Ну, в девятнадцатом еще… В машине места не было. Сейчас на маршрутке доеду…

– Не надо никуда ехать. Не в службу, а в дружбу – сгоняй к плотине. Там неподалеку жмурку на берегу нашли. То ли утонула, то ли нет. Караульные тебя там встретят…

– А… – начал я.

– Эксперт уже выехал. Давай, Кирилл, слетай, тебе ж там рядом.

– Ладно, – раздосадованно буркнул я. – Мне тут и правда недалеко.

– Вот и хорошо, – обрадовался дежурный, – а то Игорюня на драку выехал, Семенова еще нет, если что, я его обратно отправлю, а там глядишь, и труп некриминальный…

– Как же… – фыркнул я. Червячок сомнения раздулся до размеров жирной гусеницы и лопнул с влажным треском. Ну вот и случилось… Как пить дать оно…

У плотины действительно стоял охранник, с недовольством наблюдая за прибывающей толпой. Меня он без излишних эмоций проводил вниз по крутой скользкой дорожке, на которой я шлепнулся на задницу, чудом не съехав вниз как олимпийский бобслеист, только без саней-бобов. На берегу уже копошился криминалист Жора Милованов, который должен был смениться еще вчера. Судя по усталому виду и резким морщинам на лбу, такого счастья ему испытать так и не пришлось. Внизу скучал незнакомый оперативник и толстый мужчина с лицом вечного участкового в милицейской форме. Рядом переминались несколько горожан, сумевших подобраться поближе.

– Вы из убойного? – спросил участковый. – Старшина Рылин. Это мой участок. Мне Мишаня позвонил, говорит – жмурку нашел у плотины. Ну, я прибежал, посмотрел, а потом уже ваших вызвал. Сейчас еще прокуратура должна быть.

– Мишаня – это кто? – спросил я, пожимая протянутую руку.

– Мишаня – это свидетель… так сказать. Он тут рыбу ловит частенько, ну, продает ее на базаре, на опохмел зарабатывает. Вон он стоит, в кепке…

– Ясно, извините, – произнес я, вытаскивая вибрирующий в кармане телефон. В динамике зазвенел захлебывающийся от волнения голос Семенова:

– Товарищ капитан, у вас там труп криминальный? Правда? Можно я подъеду?

– Да неизвестно еще, криминальный или нет, – буркнул я и покосился на старшину. Тот удрученно развел руками. – Ладно, приезжай. Будет чем заняться…

Сунув телефон в карман, я отправился к небольшому пятачку песчаной отмели, находившейся между двумя раскидистыми кустами ивы. На нем лицом вниз лежала девушка с длинными светлыми волосами, одетая в тонкое розовое платье. Одна туфелька на длинной шпильке была на ноге, вторая сиротливо валялась поодаль. Повернутое в профиль распухшее лицо жуткого синего цвета вызывало содрогание. Милованов сидел рядом с ней на корточках и выковыривал из-под ногтей мертвой руки грязь и какие-то волокна. Рядом с ним лежал фотоаппарат, которым он, видимо, только что снимал положение трупа.

– Как дела, Жор? – спросил я. – Так и не сменился?

– Покой нам только снится, – мрачно ответил Милованов. – Ты там по бережку осторожно ходи. Я следочки нашел интересные, мы их гипсом залили, не поломай. И вообще, порыскай тут, я бегло очень смотрел. Мне бы с покойницей разобраться.

– Чего не сменился-то, Жора?

– А на кого? Ленка в декрете, Кузьминична слегла с воспалением легких. Вот ты мне скажи – лето в этом году будет?

– Так оно было, – обрадовал я.

– Когда?

– А, ты в этот день работал…

– Юморист… – недовольно фыркнул Милованов. – Ладно, иди отсюда, не отсвечивай.

Я отошел. Когда Жора работал, лучше было не лезть под руку. Воспользовавшись паузой, я закурил. Сверху замаячил Семенов. Заметив начальство, он рванул было к тропинке, но я ожесточенно замахал ему руками. Семенов недоуменно развел руками. Я набрал его номер и велел походить по берегу, поискать что-нибудь интересное. Прямо напротив пляжика в миниатюре на глиняном склоне виднелась длинная борозда, как будто сверху спускали что-то тяжелое. Небрежно попыхивая сигаретой, я принялся осматривать окрестности.

На берегу ничего интересного не нашлось. На крохотном пятачке было трудно что-либо не заметить. Узкая тропинка убегала в две стороны: направо – к плотине, налево – к большому пляжу. Покойница, лицо которой скрывалось за спутанными волосами, на этом песчаном берегу выглядела инородным телом. Столпившиеся у плотины люди что-то негромко обсуждали и строили предположения. Я неприязненно подумал, что зеваки неизменны во все

времена. Ну что, скажите, может быть привлекательного в мертвом теле, если вы, скажем, не некрофил? Будь моя воля, я предпочел бы скоротать этот день дома, на родном диване, в обществе жены. Ну а если не повезет, то хотя бы в дежурке за кроссвордом, слушая ментовские байки и попивая крепкий чай с вареньем. Вместо этого приходится торчать на берегу реки, искать улики с перспективой простудиться, потому что от воды немилосердно дует.

– Жор, что скажешь? – спросил я, подходя к эксперту. Копавшийся в своем объемном чемоданчике с инструментами Милованов недовольно поморщился.

– Ну что я тебе сейчас сказать могу? Смерть явно насильственная, это к гадалке не ходи, а вот отчего она наступила – это уж пожалуйте в морг, как говорится, вскрытие покажет. Убили девочку, а вот утонула или удавили ее – пока не знаю.

– Удавили?

– Ты сюда посмотри. – Милованов ткнул шариковой ручкой в багровые пятна на шее покойницы. – Видишь, странгуляционная борозда отсутствует, а эти следочки – от пальчиков. То есть душили ее руками, не веревкой какой. Об этом же говорят кровоизлияния в оболочке глаз, трупные пятна опять же… Девочка сопротивлялась, но недолго. Так что, возможно, захлебнулась…

– Значит, сопротивлялась?

– Без сомнения, хотя… Видишь вон там, на берегу след характерный? Она оттуда сверзилась, и, похоже, не сама. Оттого вырывалась и брыкалась как могла. Ногти сломаны, под ними грязь и пара ниточек синеньких. Ну, и ходил кто-то по берегу в спортивной обуви типа кроссовок или кед. Ребристая подошва, без каблука. Я у свидетеля на башмаки глянул и на всякий случай слепок взял, но он в сапогах, и размер другой – меньше.

– Кирилл Сергеевич, – крикнул сверху Семенов, – она, похоже, тут бежала. Тут следы в глине. И мужские отпечатки тоже есть…

– Посмотри, откуда они ведут! – сложив руки рупором, заорал я. – Может, найдешь чего… Жора, а девочку не поимели перед удушением?

– Да откуда ж я знаю? – измученно произнес Милованов, всем своим видом изображая умирающего лебедя. – Она ж в воде лежала. Если что и было на ней, то все смыто. Более подробно в морге.

– А предварительно?

– А ты не торгуйся, – высокомерно парировал Жора, но потом добавил мягче: – Если чего и было, то, скорее всего, добровольно. Бельишко на ней целое, не похоже, чтобы его снимали. Убили ее тут, вне всякого сомнения.

Над обрывом показалась тощая женщина в синем мундире и с черной папкой под мышкой. Она недовольно поглядела вниз, а затем отправилась к спуску, осторожно ступая по влажной глине.

– Прокуратура прибыла, – сварливо прокомментировал Жора. Женщина неловко взмахнула руками и приземлилась на пятую точку. Участковый, до сего момента столбом стоявший рядом со спуском, встрепенулся и поспешил даме на помощь. Женщина, цедя сквозь зубы приглушенные ругательства, неуклюже поднялась с земли и попыталась отряхнуть юбку. Оценив тщетность своих усилий, дама, высоко поднимая ноги, словно цапля, направилась вниз. Протянув руку с растопыренными грязными пальцами участковому, она наконец-то обрела точку опоры. Мне, вымазавшемуся до самых бровей, ее передвижения доставили искреннее удовольствие.

– Здравствуйте, – неприязненно поздоровалась женщина хриплым, словно простуженным голосом. – Ну, где клиент?

– Я покажу, – произнес я, изо всех сил стараясь быть галантным. Следовательница симпатии не вызвала. Видеть ее приходилось впервые, она совершенно не подходила под мои представления об идеале красоты. Худая, нескладная сорокалетняя баба с грязными волосами,

почти полным отсутствием макияжа, только губы мазнуты противной фиолетовой помадой, отчего выглядели ничуть не лучше, чем у покойницы на берегу.

– Труп криминальный? – осведомилась следовательница, отказавшись от предложенной мною руки. Вместо этого она, бегло взглянув на тело, подошла к воде и сполоснула руки.

– Безусловно криминальный, – вздохнул Милованов. – Я ее уже осмотрел. Будем протокол составлять?

– Будем, – кивнула женщина. – Найдите мне на что сесть…

У рыбака, вытягивавшего шею в тщетной попытке разглядеть происходящее с того места, куда его оттеснил участковый, спешно реквизировали складной стульчик. Дама в синем мундире заботливо подстелила на стул пару листков бумаги и уселась на них своим вымазанным в глине задом. Милованов подошел к трупу ближе и забубнил:

– …Тело обнаружено частично лежащим в водоеме верхней частью туловища, головой под водой, лицом вниз. Руки вытянуты вертикально вперед. Левая нога согнута в колене…

Я отошел в сторону, где скучал оперативник, сдерживавший набежавших горожан. Несмотря на то что место было не особенно проходным, желающих посмотреть на свежего покойника набралось немало. В первом ряду переминался с ноги на ногу свидетель – коренастый мужичок в грязноватой куртке и бейсболке с лихой надписью «Монтана».

– Подойдите, пожалуйста, – попросил я. Мужичок робко скользнул за спину стоявшего в ограждении оперативника. – Вас как зовут?

– Михаил, – запинаясь, представился мужчина. – Табашников. Я тут недалеко живу. Пару дней из-за погоды клева не было, думал, может, сегодня хоть кошкам рыбы наловлю, у меня их две…

– Кошки?

– Кошки, пропади они пропадом. Дочка со свалки приволокла, а они, заразы, по утрам орут – жрать просят. Корму-то не напасешься, да и дорогой он. А рыбку они с удовольствием употребляют…

– Короче, свидетель, – строго прервал его я, доставая из папки чистый листок. – Значит, вы пошли на рыбалку. В котором часу это было?

– Утром еще. Просидел почти до вечера, и ведь даже не подозревал ни о чем. А тут в кустики по нужде хотел… Подошел к ивняку – а она там на берегу. Жуть-то какая…

– Во сколько это было?

– Да, считай, в начале пятого, наверное, может, в четыре.

– Вы не пытались ее вытащить из воды?

Мужичок помотал головой, как отгоняющая слепней лошадь. По его испуганному лицу было видно – он и близко к трупу не подходил.

– Нет, что вы…Тут же сразу видно было – мертвая она совсем. Синяя же…

– Понятно, – протянул я. – А раньше ее не встречали?

Мужичок хмыкнул и как-то странно оскалился, обнажая ряд гнилых зубов. Улыбка, впрочем, быстро с его лица сползла, превратившись в жалобную гримасу.

– Так, это… я ж в лицо-то ее не видел. Мало ли кто тут ходит? Молодежи тут ошивается…

– Почему?

– Так пляж же вон там, – мужчина махнул рукой в сторону спуска. – А сюда тоже ходят. Тут отмель и песочек есть, не везде камыш. Если компания небольшая, так они на этом пятачке поместятся. Опять же дискотека тут через дорогу и бар недалеко.

– Вам надо будет еще следователю показания дать, – произнес я. – Пойдемте, я вас провожу.

– Хорошо, – согласился мужичок, – да и стульчик свой заберу.

Мы направились к прокурорше и Жоре. Подтолкнув оробевшего рыбачка поближе к народной власти, я сказал:

– Это вот свидетель Михаил Табашников, он труп нашел.

Жора, чей монолог я прервал, недовольно покосился на свидетеля и закончил:

– …на левом предплечье рваные раны, оставленные, по всей вероятности, зубами животного, возможно, крупной собаки.

– А следы давние? – спросила неприятная следовательница.

– Прижизненные, полученные, вероятно, незадолго до смерти, – пожал плечами Жора. – Я бы сказал – перед самой смертью.

– А приблизительное время? Когда ее убили?

– Ну, милая, кто ж вам так сразу скажет… На глазок – между двенадцатью и четырьмя утра.

– Я вам не милая, – отрезала дама. – Значит, между двенадцатью и четырьмя утра?

– Ну, тогда я вам тоже не святой дух, – обиделся Жора. – Милости прошу в морг, там и узнаете все подробности. Жмурка в холодной воде пролежала ночь и полдня. Я в причине смерти-то не уверен, а вы у меня время спрашиваете… Сталина на вас нет…

Мне на мгновение стало весело. Когда Жора, коему не исполнилось еще и сорока, поминал Сталина, это выражало крайнюю степень его раздражения. Сейчас он замкнется и перестанет пояснять противной следовательнице все, что успел увидеть. Его заключение она увидит в самую последнюю очередь, как бы ни наседала и ни уговаривала. На все случаи жизни у Жоры была универсальная отговорка: вас тут много, а я у себя один. В любом случае перемена Жориного настроения ничем хорошим не закончилась бы ни для следствия, ни для оперов, которые тоже были в этом заинтересованы. Поэтому я сделал шаг вперед и уже хотел вмешаться в диалог, как вдруг где-то неподалеку заиграла веселенькая мелодия.

– Ответьте, – буркнула ему прокурорша. – А то будет тут орать под ухом…

– Это не мой, – сказал я, на всякий случай коснувшись мобильного. Впрочем, мог бы этого и не делать. Мне бы никогда в голову не пришла мысль поставить в качестве рингтона рыжеволосую певичку, под песни которой сходила с ума молодежь от тринадцати до восемнадцати лет. Жора дернул бровями, даже следовательница оторвалась от протокола. Назойливая песенка звучала совсем близко и откуда-то сверху. Я поискал глазами и увидел в глубине куста висевший на ветке прозрачный полиэтиленовый пакет. Внутри трепыхался розовенький телефончик. Кроме него, в пакете виднелся какой-то цветной прямоугольник.

– Это что такое? – удивилась следовательница. – Это что – ее?

– Похоже, – ответил я и потянулся к ветке, но был остановлен Миловановым.

– Не залапай там мне все. Веточку обломи подальше и прямо с нею давай сюда.

Я залез в куст поглубже и с трудом отломил неподатливую колючую ветку. Мобильник замолчал. Я осторожно передал Жоре ветку, тот бегло взглянул на узел, а потом скальпелем вскрыл мешок у дна. Полиэтилен тут же был упакован в пакет, а мобильный и прямоугольный кусочек картона стали объектом пристального внимания со стороны Милованова и прокурорши.

– Неужели просмотрели? – укоризненно спросила она в пространство.

– Ну, как видите, нашли, – пожал я плечами.

– Нашли они… – фыркнула женщина. – Прошляпите все царствие небесное. Если бы телефон не зазвонил… Что там с отпечатками?

– Да погодите вы, – злобно ответил Милованов. – Что я вам тут – реактивный, что ли? Сейчас вообще все заберу к себе в отдел и пока отчет не напишу – ничего не узнаете!

– Жора, да мы ж не против, – торопливо вмешался я. – Нам бы только узнать, кто ей сейчас звонил. Личность же надо устанавливать, сам понимаешь…

Милованов злобно зыркнул на меня, неприязненно покосился на прокуроршу и снова стал производить загадочные манипуляции с телефоном. Спустя несколько минут он разочарованно произнес:

– Нету пальчиков на телефоне. Нате, исследуйте.

– Совсем нету?

– Совсем нету. Стерты.

Я перевел взгляд на другой пакетик, сквозь который теперь отчетливо виднелась десятка бубен. Прокурорша посмотрела на нее со странным выражением лица и бесцветным голосом осведомилась:

– На карте отпечатки есть?

– Ни единого, – буркнул Жора. – У меня только на пакет надежда, но его я в лаборатории посмотрю.

– Ну что там, в телефоне? – нетерпеливо спросила прокурорша. – Кто ей звонил?

– Это не звонок был, а смс, – медленно ответил я. – Записывайте номер. Некий Никита с регулярностью в полчаса прислал ей три сообщения. Первое в десять утра: «Привет, я приехал». Второе через час, в одиннадцать ноль две: «Почему не отвечаешь?» И последнее только что: «Перезвони, я дома». От него же есть четыре непринятых вызова в этом же промежутке времени. Еще один непринятый звонок от мамы… так, хорошо, значит мама есть… Теперь посмотрим набранные номера…

Я несколько раз нажал на кнопки и прищурился. Очень, очень интересно…

– Жора, во сколько, ты говоришь, она умерла?

– Между двенадцатью и четырьмя утра, – вместо Жоры ответила следовательница, торопливо и как-то лихорадочно стараясь скрыть нарастающее возбуждение. На ее бледных щеках выступили два красных пятна.

– В три ноль три с этого телефона был сделан звонок на один номер. Разговор продолжался минуту двенадцать секунд. Спустя еще три минуты была сделана еще одна попытка соединиться, но там не ответили. Через две минуты еще одна и снова безрезультатно. Абонента в базе данных нет. Семенов!!!

Запыхавшийся практикант прибежал через минуту. Я сунул ему бумажку с номером последнего абонента и неизвестного Никиты.

– Пробей по базе, кто такие. И ее номер тоже.

– Будет сделано, – козырнул Семенов и убежал. Я повернулся к следовательнице, торопливо переписывающей номера в протокол.

– Скажите, – осторожно спросил я, – почему вас так взволновала эта карта?

Следовательница не ответила и даже глаз не подняла. Она торопливо дописала строчку и, захлопнув папку, решительно поднялась со стула. На свидетеля она не обращала внимания, пока тот не попытался забрать свой складной стул. Только тогда заметив его, она быстро переписала его паспортные данные, всучила повестку и стала подниматься наверх, увязая в глине.

– Зверь баба, – прокомментировал Милованов, собирая свою амуницию.

– Ты ее знаешь?

– Да видел пару раз. Противная, занудная и, судя по слухам, не очень профессиональная. Не хвалят ее, в общем. С области она. Неужели в город перевели?

– Чего она на карту так среагировала?

– Да кто его знает? Может, выпала ей дальняя дорога и казенный дом, – захихикал Жора. – Вон твой Семенов летит, щас споткнется и разобьется насмерть.

Практикант Семенов действительно летел со всех ног, но вряд ли потому, что торопился передать начальству информацию невероятной важности. Просто спускаться по склону медленно у него не получалось. Вытаращив глаза, он тщетно пытался притормозить, но получалось плохо. Опрометчиво выбрав более короткий спуск по глине и траве, Семенов скользил вниз с бешеной скоростью.

– Все, щас в реку улетит, – вздохнул Милованов. – Пошли, поймаем его.

Семенова удалось перехватить у самой кромки воды. Ухвативший его за руку Милованов укоризненно поцокал языком.

– Семенов, ну что ж ты бежишь как на свадьбу? Вылавливай тебя потом, как вот эту…

– Так скользко, – попытался оправдаться Семенов. – Хочешь тормозить, а ноги сами вперед выпрыгивают…

– Ладно, не тормози, – прервал я. – Кто у нас потерпевшая?

– Телефонный номер зарегистрирован на имя Марии Тыртычной, – затараторил Семенов. – Два других номера принадлежат Никите Шмелеву и Юлии Быстровой.

– Только этого мне и не хватало, – вздохнул я.

– Мажоры? – осведомился Милованов.

– Хуже, – ответил я. – Журналисты.

Юлия

– Никогда ее не видела, – произнесла я и отодвинула от себя фотографии. Видеть то, что на них запечатлел фотограф, было выше моих сил. Раздувшееся лицо с провалами бессмысленных кукольных глаз, синими прожилками вен и страшными черными пятнами на шее. С раннего утра такое вот… зрелище натощак. Впрочем, хорошо, что натощак. В жизни приходилось видеть всякое, но кто знает, не вывернуло ли бы меня прямо тут, в этом гадком кабинетике с облезлым линолеумом на полу, умирающим сингониумом на подоконнике и мерзкой бабой за обшарпанным письменным столом.

– Вы уверены? – с ядовитой иронией осведомилась мерзкая баба с погонами майора на плечах.

Я вздохнула.

Хозяйка кабинета, следователь по особо важным делам, Лариса Земельцева приятного впечатления не производила. Она была тусклой, как пыльная лампа, несуразной и нездорово-тощей. На лоб свисали тонкие жирные пряди, которые было бы неплохо покрасить или хотя бы вымыть. Лицо тоже было так себе: среднестатистическая физиономия давно махнувшей на себя усталой женщины, у которой в перспективе одинокий вечер в компании с телевизором, плюшка с вареньем и затертый роман о любви в розовой обложке. Я даже специально посмотрела на руки. Обручального кольца не было, неухоженные пальцы в заусенцах, на ногтях облупился лак.

После того странного звонка мне и в голову не могло прийти, что речь действительно идет о чем-то серьезном. Нам, публичным персонам, ежедневно встречающимся не с самыми адекватными на планете людьми, не привыкать ни к странным звонкам, ни к пугающим заявлениям. Сколько раз мне угрожали расправой, сколько признаний в неземной страсти и любви я слышала. Сколько кликуш обрывало телефон редакции, утверждая, что я разбила их семью. Отвечать за всех ненормальных я не желала. Но тут…

Миронов заехал ко мне на работу около часа дня, когда я, благополучно позабыв о ночном звонке, собиралась на обед. На вопросы Кирилл не отвечал, предпочитая задавать свои, в глаза не смотрел и вообще вел себя как с посторонней, словно не было дружеских отношений, завязавшихся, как ни странно, после одной неприятной истории. Отвечая на его вопросы, я холодела, подкожно чувствуя опасность, как мышь приближающуюся змею. После визита я, сорвавшись с места, полетела на съемную квартиру и вернулась домой, под крыло к супругу.

Валера собирал вещи. Мое стихийное возвращение его слегка шокировало… Нет, не слегка, поскольку он уронил все, что держал в руках, а я мялась в прихожей и не знала, как себя вести. Наверное, следовало что-то сказать, как-то поступить, но в голову не лезло ничего умного, а выглядеть полной дурой не хотелось.

Бурное примирение состоялось здесь же, так как до спальни мы не дошли. Попугай в клетке демонстративно отвернулся, а разомлевший от ласк супруг нашептывал, что я самая, самая, самая… Призрак потенциальной соперницы растворился в небытии, а я малодушно скрыла, что вернуться меня побудили вовсе не любовь и благоразумие, а элементарный страх…

Утром Валера уехал в командировку, а меня выдернули с работы в прокуратуру, где женщина со стылым лицом потасканной Снежной Королевы не самым вежливым тоном принялась допрашивать с пристрастием.

– Никогда ее не видела и никогда с ней не говорила, – с любезностью, от которой веяло инеем, ответила я. – Боюсь, ничем не смогу помочь, хотя меня, признаться, очень интересует это дело…

– Юлия Владимировна, – с крокодильей улыбкой отбила подачу Земельцева, – согласно распечатке звонков вы проговорили с Тыртычной больше минуты. Это слишком много для простой ошибки.

– Я с ней не говорила.

– Но данные оператора сотовой связи утверждают обратное, – прервала Лариса уже менее любезным тоном.

Следовательница почему-то невзлюбила меня с первого взгляда. Привыкнув дружить с прокуратурой, милицией и городской администрацией, я впервые почувствовала, что могу вызывать с их стороны скрытую агрессию. Вообще-то я могла понять эту Земельцеву. Взгляд, которым она мазнула по моей сумочке, сережкам и кольцу, был типично женским, завистливым и алчным. Но, кроме этого, в темных паучьих глазках светилось что-то хищное. Такой масляный взгляд я привыкла ловить от мужчин, особенно если надевала короткую юбку, и она, возможно, задиралась выше чем следовало. А тут… Непонятно…

Земельцева странно тряхнула головой, точно отмахиваясь от комаров. Не говоря больше ни слова, она подвинула распечатку звонков и ткнула ручкой в нужное место. Я бегло взглянула на лист бумаги и закатила глаза.

– Видите? – резко спросила Лариса.

– Вижу. Ну и что?

– И после этого вы утверждаете, что вам никто не звонил?

– Ничего подобного, – ядовито возразила я. – Я сказала, что не разговаривала с ней! А звонок был. Только вам ведь это не важно?

– Как интересно, – презрительно улыбнулась Лариса. – Значит, она позвонила, но не разговаривала. Как это понимать? Она пела серенады? Сопела? И вы тоже наверняка молчали? Не так ли?

– Я не говорила, что молчала. Только разговаривала я не с Тыртычной.

– А с кем? – вкрадчиво спросила Лариса, вцепившись тонкими, сухими пальцами в крышку стола с такой силой, что лунки ногтей побелели. Я подумала, что следователь действительно похожа на паучиху: такая же зловещая, с сухими когтистыми лапками, неопрятная и злая. Того и гляди накинет свои тенета и утащит в темный уголок.

– Он не представился, – хмуро буркнула я. Лариса дернула бровями и откинулась на спинку кресла.

– Он?

– Ну да. Со мной разговаривал мужчина.

Лариса ненадолго задумалась, а потом вновь наклонилась ко мне.

– И что же он сказал?

– Да чепуху какую-то нес. Я вообще-то спала, не сразу сообразила, кто звонит, тем более с незнакомого номера. Вот. – Я вытащила из сумки мобильный, нажала на несколько кнопок и сунула его под нос Земельцевой. Та перевела взгляд с дисплея на листок с распечаткой.

– И какую он нес ерунду? – осведомилась она.

Я сморщила нос и ненадолго задумалась.

– Что-то вроде: «Привет, красотка, скоро увидимся». Не помню точно.

– Вы узнали голос?

– Нет. Сейчас даже не вспомню, какой он, но могу поклясться, это был мужчина, а вовсе не Тыртычная, если только она не разговаривала басом.

– А почему вы вообще ночевали на съемной квартире? – сладко поинтересовалась Лариса.

– С мужем поругалась, не хотела идти домой, ну, вы понимаете…

– Нет, не понимаю, я не замужем, – отрезала Земельцева.

– Оно и видно, – усмехнулась я.

Следователь на мгновение потеряла контроль над собой. Ее руки судорожно сжались, словно она хотела вцепиться мне в глотку. Но вот Земельцева судорожно сглотнула и кисло улыбнулась.

– Знаете, что я думаю. Дело было так: вы ждали на съемной квартире звонка от сообщника, что Тыртычная устранена, потому дома и не ночевали. И дождались, судя по звонку.

Я изогнула бровь и презрительно ухмыльнулась. Разговор мне нравился все меньше и меньше. Тетка явно хотела повесить на меня всех собак.

– И зачем, позвольте мне спросить, я ее, как вы изящно выразились, устранила? Для убийства должен быть мотив, насколько мне известно.

– Если мы не знаем мотива, не значит, что его нет, – улыбнулась Земельцева. – К примеру, ревность. А что? Она молода, хороша собой, вполне могла встречаться с вашим мужем. Или еще того хлеще, с вашим любовником – Шмелевым. Или вы не знаете Шмелева?

– А задушил ее, надо полагать, Шмелев? – осведомилась я. – Понятно…

Я взяла телефон со стола. Лариса улыбнулась.

– Адвокату звоните?

– Ну зачем же сразу адвокату, – парировала я. – Прокурору. Вашему шефу… Егор Константинович, добрый день… да… да… ой, спасибо…

Лариса беспокойно заерзала на месте. Чего-чего, а вот близкого знакомства прокурора с какой-то брюнетистой выскочкой вроде меня она явно не ожидала. Лариса протянула руку.

– Отдайте телефон!

– Вы со мной драться будете? – удивленно спросила я. – Ах, нет, это не вам, Егор… А я буквально на этаж ниже… у некоей Земельцевой. Конечно, подожду, куда же я денусь…

Лариса задышала как собака. Думаю, она отметила, что я не назвала начальника по отчеству. Ну все, теперь пойдут слухи, что он как минимум мой любовник…

– У вас есть собака? – быстро спросила она.

– Нет, есть попугай. Сторожевой попугай вас не устроит? – нагло ответила я.

Лариса стиснула зубы.

– Что вы делали одиннадцатого июня? – быстро спросила она, черкая в протоколе соответствующую строку. Я покосилась на Земельцеву как на врага и вздохнула.

– Да откуда я знаю, это месяц назад было. Какой хоть день недели?.. Четверг… мы наверняка сдавали номер, так что торчала на работе до позднего вечера, скорее всего.

– А двадцатого мая?

– За границей была. Это совершенно точно. Мы с мужем ездили в Италию. Решили сгонять, пока не начались летние каникулы, там в это время поспокойнее, знаете ли…

– Не знаю, – мрачно сказала Лариса.

– Ну оно и понятно, – усмехнулась я.

В коридоре послышался гул. Думаю, Земельцева инстинктивно догадалась, что к ее кабинету летит гроза, готовая обрушить на ее несчастную голову громы и молнии. Подвинув протокол, она быстро произнесла:

– Прочтите и подпишите: с моих слов записано верно… Боюсь, вынуждена ограничить вас подпиской о невыезде…

– Премного благодарна, – рассеянно ответила я, впившись глазами в листок бумаги. – Надеюсь, на улицу хоть выходить разрешите?

Земельцева хотела достойно ответить, но не успела. Дверь в ее кабинет распахнулась без стука. Увидев радостно улыбающегося шефа, Лариса поняла, что окончательно проиграла.

Никита был мрачен. Потерев обеими руками лоб, он взъерошил коротко постриженные волосы, отчего они стали дыбом.

– В голове не укладывается, – вздохнул он.

Я пожала плечами. Мы встретились в кафе «Пиццоли» на следующий день после моего визита в прокуратуру, что для обоих было удобно. Никита рядом жил, я работала. Вырвавшись на обед, я позвонила Никите и решительно потребовала встречи. Никита приехал в кафе, опоздав всего на полчаса. Издергавшись в ожидании, я встретила его градом вопросов.

– Да отстань ты, и без того тошно, – отмахнулся Никита и убежал за едой.

– Кофе мне возьми! – крикнула я вдогонку. Никита кивнул и исчез за стеной. Мельком взглянув на часы, я со вздохом уставилась в окно. Над городом висела туча. Угрожающие всполохи в чернильной синеве сверкали все ближе. В стекло гулко стучали редкие капли.

В кафе было малолюдно. Место это было не самым дешевым, отчего простые служащие обедать сюда в свой перерыв не ходили. Может быть, именно поэтому кафе и не успело встать в один рядом с большинством провинциальных заведений, уравнивающихся в статусе с забегаловками, где посетители не гнушаются потреблять дешевый алкоголь под еще более дешевую закуску, а то и без оной. Нет, здесь атмосфера была уютной и даже с намеком на что-то изысканное, если можно было бы посчитать таковым дикую смесь деревенского и средиземноморского стилей и мрачной готики. Почему-то хозяин кафе решил сделать один зал аскетично средневековым, от чего хотелось повеситься прямо на тяжелой деревянной люстре в виде колеса не то от прялки, не то от телеги. Однако готический зал у публики пользовался не меньшим спросом. Особенно здесь любила развлекаться по вечерам молодежь, давно и прочно причислившая себя к взбитым сливкам общества. Но сейчас в темном зале, кроме меня, не было никого. Я посмотрела в сторону кассы, где с подносом стоял Никита, и перевела взгляд на широкий жидкокристаллический телевизор, где хорошо поставленным оперным голосом приглушенно стенала иностранная певица:

This is me for forever
One of the lost ones
The one without a name
Without an honest heart as compass
This is me for forever
One without a name
These lines the last endeavor
To find the missing lifeline[4].

Слова песни доносились как из другого мира. Сегодня эта гнетущая атмосфера как нельзя кстати подходила моему внутреннему состоянию. Вряд ли, издергавшись после бессонной ночи, я смогла бы усидеть в каком-нибудь другом месте. Например, с веселенькими обоями, интерьерными коровками и овечками из раскрашенной керамики и прочей дешевой мишурой, способной лишь отвлечь взгляд от сырого пятна на потолке, отколотого куска напольной плитки, сального пятна на фартуке официантки. Нет, темно-шоколадные стены сегодня – сознательный выбор, не позволяющий мыслям бродить в неизвестности. Я уставилась на экран, где сквозь дикую вакханалию бас-гитар ручейком пробивался дивный и почему-то жутковатый голос.

My flower withered between
The pages 2 and 3
The once and forever bloom
Gone with my sins

[4] Отныне и навсегда, // Я одна из тех, кто сгинул. // Ни имени, // Ни путеводного сердца – // У меня только вечность – // На то, чтобы найти // Потерянный путь. (*англ.*) Фрагмент песни «Nemo» («Nightwish»).

Walk the dark path
Sleep with angels
Call the past for help
Touch me with your love
And reveal to me my true name[5].

Никита так грохнул подносом о стол, что я вздрогнула. Он на мгновение замер, сделав вид, что не на шутку напуган, вытаращив глаза в притворном ужасе.

– Ты не находишь, что для полноты ощущений здесь не хватает гроба? – спросил он, усаживаясь напротив. – Держи, твой кофе… Рассказывай, что там в прокуратуре…

Пока Никита алчно поедал свой обед, я во всех подробностях поведала об истории с уходом из дома, телефонным звонком, визитом в прокуратуру и противной следовательницей. Никита все более мрачнел и вскоре вообще отодвинул тарелку с недоеденной пиццой. Туча за окном ощетинилась молнией. Гром жахнул так, что на столах жалобно зазвенели чашки и ложечки. В стекла часто затарабанили тугие капли. Официантка на мгновение появилась в зале и, одарив посетителей никем не замеченной дежурной улыбкой, исчезла.

– Дурацкая какая-то история, – пожал плечами Никита. – Зачем он тебе вообще звонил? Почему тебе? Ты не испугалась?

– Тогда нет, – покачала я головой. – Мало ли придурков трезвонит? В журнале под моей рубрикой есть фото, так что узнать телефон особого труда не составит. Секретарша у нас – дура, раздает личные телефоны направо и налево. А уже потом после визита к этой стерве Земельцевой на меня как-то накатило… Представляешь, одна, в чужой квартире, а тут какой то урод названивает… Нет, я сразу к мужу под крылышко вернулась.

– А что Валера? – хитро прищурился Никита.

– Да рад был по уши. Конечно, форс держал, ведь я была холодна и неприветлива, но, знаешь, лучше дома с ним, чем одной неизвестно где.

– Он уже знает?

– Что ты! Узнает – увезет к черту на рога, запрет в избушке без окон и дверей, прикует к кровати… – (Никита мечтательно закатил глаза.) —…ну и всякое такое… Хватит корчить рожи! Ты-то сам в прокуратуре был?

– Был, – вздохнул Никита. – И алиби у меня дохленькое. Я ж по районам мотался, по дороге движок сдох. Пришлось ночевать под кустами. Ну, не совсем под… Я на станции техобслуживания жил два дня, в гостинице. Они, конечно, может, и вспомнят, но эта грымза всем своим видом дала понять, что ни одному моему слову не верит. Я для нее – подозреваемый номер один.

– Откуда она вообще взялась? – возмутилась я. – Мы вроде «важняков» всех знаем. Я так думаю, она откуда-то с района к нам перевелась. Миронов с тобой не разговаривал еще?

– Нет, завтра к нему схожу. Я и не знал, что это его дело. Он на трупе был, что ли?

– Я так поняла – да. Он мне звонил. И был совсем не рад слышать.

Никита глубоко задумался. Я помешивала свой остывший кофе. В зале было темно. За дальним столиком разместилась парочка существ формата эмо: неопределенного пола, одинаково утыканные серьгами, цепочками, с густо подведенными глазами и рваными стрижками, с торчащими под невероятными углами волосами. Парочка, скосив на нас подозрительные взгляды, все же решила не опасаться за свое барахло. Оставив на диванчиках свои необъятные

[5] Увядший цветок моей жизни // Между страницами 2 и 3, // Цветок былого и грядущего – // Все исчезло вместе с моими грехами. // Пройди темными тропами, // Засни среди ангелов, // Призови на помощь прошлое, // Согрей меня своей любовью // И открой мне мое истинное имя. (*англ.*) То же.

рюкзаки-мешки с изображением Курта Кобейна, удалились в зал с легкой пародией на шведский стол.

– Тыртычную ты откуда знал? – спросила я.

Никита поморщился.

– Да встречались мы. Не очень долго, правда. Очень уж она была прилипчивая и доставучая. Правда, что характерно, если хотелось поразвлечься, никаких проблем не было. Всегда готова, на все согласна. В любви признавалась… Но, думаю, не только мне. В общем, среднестатистическая сучка с постоянной течкой. Такие вещи иной раз вытворяла… ну, тебе это лучше не знать, а то плохому научишься.

– Земельцева мне какие-то странные вопросы задавала, – хмуро перебила я. – Где я была двадцатого мая и одиннадцатого июня.

– Почему?

– Откуда я знаю? Наверное, не просто так. Может, в это время тоже что-то происходило. Не нравится она мне. Стервозная, взгляд неприятный, как у волчицы. Ты попробуй узнать, откуда она взялась? Все-таки у тебя больше связей в околокриминальных кругах.

– Попробую, – кивнул Никита. – А что с подпиской? Ты теперь невыездная?

– Да щас, – фыркнула я. – Когда прокурор зашел, она эту подписку прожевала и проглотила. Она же не знала, что Егор с Валеркой периодически рыбачат и охотятся. Так что вышла я на свободу с чистой совестью.

На экране появилась рыжеволосая французская бестия. Ее тихий голос был почти неразличим на фоне агрессивной музыки. Она шагала по выжженной земле, наблюдая, как волки терзают окровавленную тушу. Ее развевающееся балахонистое платье из простой холстины стелилось по земле. Глаза (о, эти карие с красноватым отливом глаза, так похожие на очи подстреленного олененка) натолкнулись на ужасную картину: ее любимый изменял ей с красавицей блондинкой…

Je n’comprends plus pourquoi
J’ai du sang sur mes doigts
Il faut que je te rassure
Je soignerai bien tes blessures – mon amour[6].

– Тебя подбросить? – спросил Никита. – Или ты на работу?

– Да какая тут работа, – отмахнулась я. – Домой поеду. Валерка в командировку умотал. Даст бог, не проведает, что тут творится.

– Юль, – нерешительно выдохнул Никита и невольно коснулся шрама на голове, скрытого волосами, – а ты не думаешь, что это… ну, отголоски той… истории?

– Надеюсь, что нет, – нерадостно ответила я. – Иначе несладко нам придется. Может, это все-таки случайный псих? И звонил он совсем не мне?

– Ты сама в это веришь? – хмыкнул Никита.

– Не верю. Но думать об этом сейчас не хочу.

[6] Я уже не понимаю, отчего // На моих пальцах кровь. // Я тебя подбодрю, // Я исцелю // Твои раны, моя любовь. (*фр.*) Фрагмент песни «Beyond my control» (Mylene Farmer).

Кирилл

Из спальни доносились приглушенные рыдания. Я чувствовал себя неуютно, но ничего поделать не мог. Приносить плохие известия в дом всегда тяжело. Сообщать о смерти – вдвойне тяжелее. А уж говорить, что любимый человек был зверски убит, – просто невозможно. Но деваться некуда. Вот и сегодня мне пришлось посетить дом Маши Тыртычной. Поговорить с родными в привычной казенной обстановке не получилось, и я отправился к Маше домой. Вот только разговора не получилось и тут. В небольшой двухкомнатной квартире меня встретила полная, заплаканная женщина, которую я поначалу принял за мать. Оказалось, это не так.

– Маруся мне племянница, – странно дергая носом, объяснила женщина, представившаяся Полиной Викторовной. – Мать у нее еще пятнадцать лет назад под поезд попала, пьяная была, конечно… Ой, простите, я не могу…

Полина вскочила и унеслась в другую комнату, откуда донеслись стоны и всхлипывания. Я поежился.

Кухонька, где я сидел, была крохотной, как во всех пятиэтажках, построенных с благословения Никиты Сергеевича. Здесь не пахло особым достатком. Мебель была простецкой, электрический чайник на столе самой дешевой модели, сделанной энергичными и предприимчивыми китайцами. На столе в имитирующей хрусталь пластиковой вазочке красовалось несколько конфет и печеньиц. От стен, у самого потолка, отставали обои, кран плевался каплями, а линолеум на полу был стерт и обломан по краям. В квартире нестерпимо воняло кошачьей мочой.

Уловив краем глаза движение, я повернулся в сторону дверей. В проеме стояла крупная черная кошка с желтыми глазами. Весь ее вид выражал крайнее недовольство присутствием постороннего человека на вверенном ей участке.

– Кис-кис-кис, – дружелюбно поманил я. Животное посмотрело с презрением и демонстративно отвернулось. В спальне плакала Полина Викторовна. Оставаться и слушать это мне было уже невмоготу. Наверное, все же придется выждать и вызвать ее в отдел. Я поднялся с места и направился к выходу. И в этот момент лязгнул ключ в замке, и входная дверь открылась. Я сделал шаг назад, вошедшая девушка испуганно отпрянула.

– Вы кто? – спросила она.

– Я из милиции, – торопливо ответил я и, нашарив в кармане удостоверение личности, сунул девушке под нос.

– А как вы сюда попали?

Особо напуганной девушка не выглядела, только глазки настороженно отсвечивали бутылочным стеклом. Вообще она была довольно симпатичной, вот только на Тыртычную не походила совершенно. Хотя что тут удивительного? Они же не родные сестры…

– Меня Полина Викторовна впустила. Она… там…

Я мотнул головой туда, откуда слышались всхлипы. Девушка покосилась в сторону спальни, а потом, решительно поставив объемный пакет на пол, схватила меня за руку.

– Пойдемте на улицу. Она теперь все время плачет, боюсь, в таком состоянии она плохая рассказчица. Или она что-то уже вам сообщила?

Я вновь помотал головой и позволил утащить себя из затхлой норы, где по всем углам, вкупе с развесистой паутиной, болтались тоска и отчаяние. На лестнице было не лучше. Спускаясь вниз по ступенькам, я вдруг вспомнил знаменитую книжку известного фантаста. Вот в таких домах и подъездах растет синий мох, паразитирующий на негативных эмоциях. На какой-то миг показалось, что я смог войти на первый слой Сумрака и краешком глаза зацепить шевелящиеся кустистые наросты на стенах и потолке. Даже рукава моей джинсовой куртки будто бы позволили впитаться спорам внутрь ткани, и там они, подобно паразитам, располза-

ются по продольным и поперечным нитям, словно те были венами и артериями. Так упавшая на землю пакость превратила героя голливудского фильма в страшилку с хищной пастью. И уже никто не помнил, что пару дней назад это был борец за справедливость в красно-синем обтягивающем костюме. Я с трудом сдержал в себе желание почесаться.

«Вроде не новичок, – удивленно подумал я, – не сопливый практикант, как Семенов. Трупов повидал немерено, в засадах сидел, наркоманов ловил, и даже стрелять приходилось, правда, только по ногам… Маньяки были, целых двое… Взыскания и премии, словом, обычная ментовская жизнь, а тут расклеился как девчонка… Что со мной такое?»

Девушка толкнула щербатую дверь подъезда и направилась к детской площадке, которую уже давно использовали не по назначению. В песочнице валялись бычки и пустая бутылка из-под пива. Качели были сломаны, а железная вертушка скрючена так, что прокатиться на ней не было никакой возможности. Девушка смела с некрашеной скамейки песок и, с сомнением посмотрев на испачканную руку, все же осторожно уселась на доски. Я пристроился рядом.

– Меня Катей зовут, – негромко сказала девушка. – Машка – сестра двоюродная. Вы лучше меня спрашивайте, мать не тревожьте лишний раз, у нее сердце больное.

– Она всегда с вами жила? – спросил я.

Катя неопределенно пожала плечами.

– Ну, мы в первый класс вместе пошли, хотя я на полгода моложе… У вас закурить не будет?

Я молча сунул Кате пачку и зажигалку. Быть галантным даже в голову не пришло. Это в голливудских фильмах роскошные дамы с изящными завитками волос под Грету Гарбо выпускают клубы дыма из длинных мундштуков, после того как элегантные кавалеры подносят им зажигалки. Я, неуклюжий и неловкий, никогда так не делал. Чаще всего для женщин это заканчивалось подпаленными волосами. Даже дорогая супруга обходилась без этих высококультурных изысков. Здесь же на лавочке сидела двадцатилетняя девчонка в линялых джинсах, которой и в голову не пришло казаться светской львицей. Она молча вытянула сигарету из пачки «Мальборо», щелкнула зажигалкой и жадно затянулась.

– Знаете, – невесело сказала Катя, – я уже год как не курила, а как Машку убили, смолю одну за другой… Странно, правда?

– Это стресс, – ответил я с умным видом.

– Ну да, стресс. Мне, если честно, страшно. Кто ж знал, что все может вот так закончиться… Машка, конечно, дура была, но чтобы в двадцать лет умереть – такого врагу не пожелаешь.

– Так почему она с вами жила? – быстро спросил я.

– Ну, тетка моя – пропащая баба была. Я ее плохо помню. Мама ее не шибко жаловала. А потом она погибла, мама Машку-то и забрала, хотя отец против был. Он так и не смог ее принять.

– А кто отец Маши?

– Да фиг его знает. Алкаш какой-нибудь. Алиментов мы не получали, в метрике прочерк стоит, одно отчество – Анатольевна. Так у меня деда Анатолий звали.

– Ваши родители в разводе?

– Ну да. Отец нас бросил. Женился на молодой и уехал на Север. Я его редко вижу. В прошлом году звал к себе, но как-то прохладно, в общем, я не поехала…

Катя затянулась и картинно выдохнула сизое облачко, которое мгновенно разметал ветерок. Закинув ногу на ногу, она искоса посмотрела на меня. Я тоже потянулся к пачке и закурил.

– Маша не говорила, что она боится кого-нибудь? Или, может быть, в ее жизни что-то случилось в последнее время?

– Никого она не боялась, – фыркнула Катя. – Она вообще безбашенная была. Шла куда попало, с кем попало, лишь бы весело было. Правда, в последнее время поубавила пыл, стала

про замужество говорить, мол, все девки уже замужем, я одна гуляю. Все присматривалась… – Катя невесело ухмыльнулась. – То есть если раньше она трахалась просто так, то теперь это было уже с перспективой замужества. Только все это было уже бесполезно. Ее тут весь двор поимел, кто ж на ней женится-то?

– Вы ее недолюбливали? – вкрадчиво спросил я.

Катя одарила меня томным взглядом из-под полуприкрытых век. Во всей ее позе появилось некое жеманство. Продолжая рассказывать о непутевой сестре, она растягивала гласные, да и вообще старалась придать тембру сексуальную хрипотцу, этакий жженый бархат. Вот только получалось у нее скверно. Я подумал, что не только Маша в этой семейке хотела обзавестись семьей.

– Скажете тоже… Я ее в последние пару лет вообще терпеть не могла. Мечтала, чтобы она замуж вышла или учиться уехала. Меня из-за Машки тоже ведь шалавой считали. Как людям объяснить, что если мы в одной квартире живем, необязательно, что и я – такая же. Только она уезжать никуда не собиралась. Работала то тут то там, нигде долго не задерживалась. Характер у нее такой… был…

Катя замолчала. Ее пальцы дрогнули.

– Вы не думайте, она мне все-таки не чужая… И вообще мы с ней ладили. Просто она себя так вела, что трудно было терпеть ее выходки. Мать ее жалела, прощала все, а Машка этим пользовалась безбожно. Эгоистка она была, всегда и во всем.

– Катя, я вас ни в чем не обвиняю, – мягко сказал я и даже положил ладонь ей на руку. От этого простого движения Катя вздрогнула и покраснела. – Скажите, что она могла делать там, у реки?

– Может, на дискотеку пошла? – немного подумав, ответила она. – Мы там часто бывали. Хотя от дома далековато, но там дешевле, и нас мало кто знает… Точнее, ее… Но в этот вечер она туда, кажется, не собиралась.

– А куда она собиралась? – равнодушно спросил я, мгновенно сделав стойку, как охотничий сеттер.

– Вроде бы на свидание, – пожала плечами Катя. А потом ойкнула и прижала пальцы к губам. – Вы думаете…

– Ну, пока еще рано судить, – глубокомысленно сказал я. – С кем она встречалась?

– Да фиг его знает. У нее парней было как грязи. Многих я знала, а вот последнего… и ведь был у нее нормальный парень, только она его удержать не смогла.

– Это вы про кого?

– Да журналист наш, Никита Шмелев. Хороший такой… Мне лично нравился. Машка ему не пара была. Так, переспать, погулять… Я это сразу заметила, а она, дура, планы строила, в загс хотела затащить. Говорила – я ему скажу, что беременна…

– А он?

– А он сказал – рожай. Тест на отцовство сделаем, тогда поговорим о замужестве. Он ведь… – Катя прищурилась, подбирая нужные слова, – очень уж холодный человек. Таким не повертишь. Машка ему скандалы пыталась закатывать, но он просто или уходил, или трубку бросал. Потом она собиралась с духом и шла извиняться. Мне жаловалась, что не одна она у него такая дура… А накануне очень злилась – он уехал, а ей слова не сказал. Вот она мне и призналась – с парнем каким-то познакомилась.

– Что она о нем говорила?

– Почти ничего. Зовут Олегом, работает дизайнером или что-то в этом духе. А, вот еще – он брюнет.

– Почему?

– Машка сказала – он такой, как я люблю. А она любила темноглазых брюнетов, такого, знаете, итальянского типа, мачообразных.

– Что-нибудь еще? Возраст? Где живет?

– Больше ничего, – понуро призналась Катя. – Я ее и не видела после. Она на свидание ушла, а я на работу. Машка ночевать не пришла, а потом вы позвонили…

– Катя, – осененный внезапной мыслью, спросил я, – Маша никогда не упоминала имени Юлии Быстровой?

– Нет, – подумав, сказала Катя. – А кто это?

– Да так, – отмахнулся я. – Вы мне очень помогли. Я попрошу вас, составьте список всех парней, с которыми встречалась Маша, и позвоните мне. Вот, возьмите, с девяти до девятнадцати часов я на работе, или можете на мобильный…

Катя взяла визитку из простой бумаги и сунула в карман.

– Ну, до свидания, – нерешительно сказала она. – Вы еще зайдете?

– Возможно, – улыбнулся я. – Всего вам доброго…

– Кирилл… подождите… – робко сказала Катя. – А вы… женаты?

Вместо ответа я с улыбкой показал ей руку с красовавшимся на пальце обручальным кольцом.

– Очень жаль, – грустно вздохнула Катя.

Часть 2
Червонный валет

Игорь

Я открыл глаза и пару минут смотрел в потолок мутным взглядом. Утро, пропади оно пропадом… На дворе дерьмовенькое лето средней полосы, с внезапными дождями, сыростью и скупым на ласку солнышком. Вот уже который день начинался серыми окнами со скупыми капельками на стеклах. Дождь… дождь, будь он неладен. Унылая пора… Никакого очарования усталым очам, которые хотят закрыться, а руки тянут одеяло на голову, опутав себя уютным коконом. Спать… спать… спать… Не выходить из квартиры. И пусть холодильник пуст, а сигареты наверняка выкурил любимый братец… Не шевелиться, не вставать. Нет этого стылого мира, где даже зелень листвы выглядит ирреальной декорацией. Спать… Игнорировать противный писк заведенного на сотовом будильника…

Я потер костяшками пальцев веки и отчаянно зевнул. На кухне тихо играло радио – невероятно пластмассово-бодрые голоса ди-джеев разбавляли галдеж дешевой попсы. Снизу немилосердно дуло, сквозняк доносил запах сигарет. Значит, Олег сидел на кухне и курил…

Со стоном поднявшись с продавленного дивана и поежившись, я сунул ноги в линялые тапки. Голова гудела от недосыпа. Комната недружелюбно дышала в темя и давила потолком. Особым уютом здесь и не пахло, как часто бывает в съемных квартирах, чьи хозяева охотно сдают свои халупы любому, готовому отдать деньги за четыре стены с нехитрым скарбом, фанерной дверью и перекошенными оконными рамами. Все было старым, убогим и каким-то прогорклым, как испортившееся масло. В дешевые обои навеки впитался запах грязи и почему-то жареной рыбы, на жалком подобии югославской стенки единственным притягивающим взгляд предметом была стоящая на полочке фотография с двумя почти идентичными мальчишескими мордашками. Близнецы лет десяти в одинаковых синих футболках радостно скалились в фотоаппарат. На соседней полке за стекло была сунута еще одна. Здесь близнецам было лет по двадцать – двадцать пять, и они уже слегка отличались друг от друга. Один, в ярко-красной рубашке, придавив телефон к уху плечом, улыбался в объектив, второй, с зализанными назад волосами, облаченный в черную футболку с черепами и костями, смотрел в сторону и курил. Камера запечатлела момент, когда дым только-только начинал выходить из четко очерченных порочных губ. Если в облике первого еще присутствовала какая-то детскость и наивность, то второй, мрачный и серьезный, производил другое впечатление. Все в нем было со знаком «минус», нарочито и выставлено напоказ. «Да, я плохиш, а что мне еще остается?» – именно это назойливо лезло в глаза.

Квартиру, где сейчас приходилось жить, я ненавидел и искренне завидовал брату, обосновавшемуся где-то в другом месте. В его новой берлоге бывать не приходилось. Когда мы в последний раз виделись на даче, он похвастался, что из окна открывается потрясающая панорама. Олега всегда вдохновляли красивые пейзажи, он фотографировал их, пару раз порывался устроить персональную выставку. Удержала его, по-моему, лень. У меня же чувство прекрасного отсутствовало напрочь, поэтому я и жил в вонючем клоповнике, утешая себя лживым оптимизмом. Есть стол, есть кровать, с потолка не течет, а в ванной бесперебойно подают горячую воду. Чего еще желать? Главное – недорого.

– Олег? – хриплым со сна голосом, позвал я. На кухне резвились ди-джеи, призывая из динамиков сыграть с ними в какую-то веселую игру, главным призом которой был аж целый диск новой звезды тысячелетия, вертлявой певички с прозвищем не то Гангрена, не то

Бацилла. Певичка была, кстати, так себе, худовата, страшновата, да и песенки у нее крутились вокруг извечной темы любви прыщавых недоносков. «Я тебя любила, я твоя звезда. Ты – мой клевый мальчик. Ты мой навсегда-а-а». Я поморщился. Попса не вызывала энтузиазма, как, впрочем, и у единоутробного брата. Странно, что он оставил приемник на этой волне…

– Олег? – уже более уверенным голосом позвал я. Радио пищало примитивный мотивчик с ритмичной долбежкой ударных. На кухонном столе подмигивал зеленым глазом ноутбук, стояла чашка с недопитым кофе. Зеленая пепельница из прозрачного стекла была набита окурками. Рядом – россыпью карточная колода рубашкой вверх. Старый холодильник затрясся в истерическом припадке и отключился, раскачав стоящий на нем горшок с полумертвым аспарагусом. Олега в кухне не было. Окурки, провонявшие всю квартиру, давно остыли. Ворча, я открыл форточку. Струя свежего воздуха ударила в спрессованный щит смрада, но ей не под силу было развеять вонь с первого раза.

Ноги лизнуло холодом сквозняка. Я недоуменно завертел головой, а потом решительно отправился в прихожую. Входная дверь была не заперта. Из узкой щели веяло сыростью и кошачьей мочой. Соседка снизу, сердобольная дама, подобрала трех кошек, которые ленились ходить по своим кошачьим делам на улицу, облюбовав для этой цели подъезд.

Я покачал головой и захлопнул дверь. Братец, поработав, удалился в свою берлогу, забыв запереть замок. Это, кстати, случалось с ним не так уж и редко. Все давно пошло кувырком. Мы разъехались по разным квартирам, почти не разговаривали и совсем перестали обсуждать планы на жизнь. Незримая пуповина, связывавшая нас всю жизнь, в последние годы совершенно исчезла.

Когда все началось? Сейчас уже трудно провести параллели, ткнуть пальцем в бешено крутящийся циферблат дней, недель и лет, пытаясь установить точку стихийного разрушения. В один момент все изменилось и полетело в тартарары – когда нам захотелось самостоятельности, отдельной жизни, – желания, основанные на ребяческом бунте и духе противоречия. Слишком долго нас воспринимали единым организмом, живущим в одном ритме. Тогда каждый вдруг захотел чего-то своего, целого, как яблоко, которое в детстве мама делила на две половинки. Мы впивались в сочный плод зубами и с обидой и завистью думали – половинка брата больше и вкуснее.

Однажды все кончилось. Не помню, ругались ли мы или нет. Просто однажды, проснувшись в гулкой квартире, я понял – Олег ушел, забрав свои вещи и предоставив мне возможность насладиться свободой. И поначалу так и было… Правда, совсем недолго.

С уходом Олега жизнь не стала легче. Упиваясь поначалу свободой, я неожиданно понял, что без брата скучно, не с кем обсудить соседских девчонок, груди которых так и вываливались из смелых декольте, некому пожаловаться на дебила-начальника, и даже в магазин за сигаретами и аспирином никто не сходит. Голова частенько болела с самого утра, так что спасаться от мигрени приходилось самому.

Олег жил другой жизнью. На работе бывал набегами, в основном затем, чтобы забрать заказ и потом на домашнем компьютере сделать из разрозненных и хаотичных мыслей шедевр полиграфической продукции. Идеи у него были самыми сумасшедшими, но каждый раз заказчики причмокивали от удовольствия при виде конфетки в яркой обертке, которую Олег небрежно подсовывал им под нос.

Моя жизнь была проще. Работа не радовала, но позволяла существовать в относительно свободном графике. С утра я оббегал магазины, принимал заказы, а потом, отчитавшись перед мерчендайзером, спешил домой, в скучное, убогое существование поеденного молью положительного персонажа. Даже перед самим собой было стыдно признаться, как мне не хватало брата, с едкими комментариями, ядовитыми репликами, бесконечным тормошением. Олег привык вести за собой, как жесткий командир, не спрашивая мнения рядового. Доходило до того, что я звонил брату, заманивал его к себе на обеды, во время которых ластился, как вер-

ный пес. Олег снисходительно жевал подношение, иногда ночевал и даже работал на моем компьютере, чтобы потом умчаться в пышущую приключениями ночь.

Олег мог запросто заявиться пьяным в три часа ночи и, силком вытащив меня из постели, заставлял слушать какой-то бред. Часто был настолько агрессивен, что я предпочитал не спорить, опасаясь, что он попросту начнет меня бить. В его рассказах он был то бичующим себя, то злорадным деспотом. Я кивал, согласно принимая каждую из сторон, он же злился, что его слушают вполуха, стучал кулаком по столу и требовал внимания. Думаю, в глубине души он тоже остался очень одиноким, несмотря на всю браваду.

Пугало не это. Его пьяная злоба была, по крайней мере, понятна. Лично я чувствовал нехороший зуд в кончиках пальцев, когда брат с абсолютно стеклянными глазами вкрадчивым мяукающим тоном напившегося сливок кота начинал рассказывать о своих фантазиях. В сочетании с фанатичным блеском глаз это выглядело по-настоящему пугающим. А желания, о которых он говорил все чаще, заставляли волосы вставать дыбом.

С ним что-то происходило. Вот уже несколько месяцев Олег нервно дергал плечами на все расспросы и сурово обрывал попытки вывести его на чистую воду. Он был зол, психовал по пустякам и бесконечно кому-то звонил. Поведение, отрывки фраз и зловещие интонации настораживали. Не то чтобы я беспокоился всерьез, но его нарастающее с каждым днем возбуждение не могло остаться незамеченным.

Вчера он тоже был дерганым. Любое слово, вскользь брошенное мною, его раздражало. Предпочтя не ссориться, я рано ушел спать, выпив на ночь пару таблеток цитрамона. Голова просто раскалывалась.

Я открыл двери ванной. На полочке засыхал открытый тюбик зубной пасты. В раковине валялась зубная щетка. На старой побитой ванне висела рубашка. Олег не дал себе труда даже сунуть ее в бачок стиральной машины. На какое-то мгновение слепое раздражение взяло вверх. Я схватил рубашку и уже готов был швырнуть ее в корзину с грязным бельем, но что-то вдруг притянуло мой взор.

Обшлага рукавов были вымазаны чем-то бурым. Несколько темных пятен отчетливо выделялись на мокром шелке. Я поднес рубашку к носу. Запах был слишком слабым, чтобы наверняка определить его происхождение, но мои колени вдруг затряслись.

Так выглядела только кровь.

Я отшвырнул рубашку, точно она была гадюкой. Я слишком хорошо знал своего брата и понимал, что все это – неспроста. Судорожными, торопливыми движениями я рванул краны и, направив струю из душа на рубашку, мутным взглядом смотрел в клокочущую воду.

Кирилл

Юлия позвонила в половине четвертого утра, когда я сладко спал в своем кабинете на старом продавленном диванчике, укрывшись бушлатом. Дежурившему со мной Семенову мягкого места не досталось, оттого он, уронив голову на сложенные руки, дрых сидя за столом. В стекло стучал дождь.

Трезвон мобильного застал меня в тот самый момент, когда разгоряченная Шэрон Стоун уже готова была стать моей. Голливудскую диву звонок расстроил, и она удалилась вместе с липкими остатками сна. Семенов не шевелился, в углу подмигивал красным глазом циклопа масляный обогреватель. Вылезать из-под теплого бушлата не хотелось, но телефон все трясся в истерике, не желая замолкать. Я выудил мобильный из чехла и взглянул на дисплей. Номер мне ни о чем не говорил, но зазвеневший в трубке голос я узнал сразу.

– Кирилл? – тревожно осведомилась Юлия. – Я, наверное, разбудила? Это Юля Быстрова. Вы меня помните?

– Доброй ночи, Юля, – без намека на любезность ответил я и малодушно соврал, устыдившись тона: – Нет, вы меня не разбудили, я на дежурстве. Что-то случилось? Или вы из профессионального интереса?

– Я не настолько бессовестна, чтобы звонить в четыре утра из профессионального интереса, – фыркнула Юля и, похоже, даже чуть повеселела. В звенящем жестью голосе появились бархатистые нотки.

– Тогда – что? – осведомился я, почувствовав, как в желудок точно ухнула тяжелая кувалда. Юля пару мгновений молчала.

– Кирилл, – нерешительно произнесла она. – Только что позвонил этот урод.

Теперь молчал я. Откинув бушлат в сторону, я толкнул Семенова. От неожиданности он едва не рухнул на пол, соскочил с места и вытаращил глаза. Я схватил ручку и бумагу.

– Что он сказал?

– Примерно то же самое. «Привет, красавица, не спится? Хочешь поиграть…» Какую-то муть в духе голливудских ужастиков. Я спросонья не разобрала, а потом испугалась и бросила трубку.

– Он перезвонил?

– Нет.

– Еще что-нибудь сказал?

– Больше ничего, – нервно ответила Юля, и по голосу я понял – она боится. – Кирилл, что мне делать?

– Ничего, – отрезал я. – Из дома не выходите. Вы уверены, что звонил тот же самый человек?

– Уверена. Вы поедете проверить?

– Куда, интересно? – фыркнул я. – По всему городу рыскать прикажете?

– Почему же? – с неожиданной агрессией выпалила Юля. – Он мне с городского позвонил.

– И вы молчали? – возмутился я.

– Ну, вот сейчас говорю. Номер дать?

– Давайте, – раздосадованно сказал я. Теперь как пить дать придется ехать. Мелькнула слабая надежда, что адрес окажется не в нашем районе, и тогда я с чистой совестью переадресую звонок соответствующему отделению, а сам просплю остаток дежурства. Взглянув на продиктованный адрес, скривился. Надежда улетучилась.

– Спасибо за звонок, Юля, мы все проверим, – вежливо сказал я и надавил на кнопку отбоя, хотя она еще что-то кричала в трубку. Семенов смотрел на меня с преданностью пса.

– Семенов, вот скажи, есть на свете справедливость? – осведомился я. – На улице такая пакость – хозяин собаку не выгонит, а мы должны переться проверять адресок. А ведь так не хочется.

– Не хочется, – согласился Семенов. – Можно высказать здравую мысль?

– Валяй, – милостиво согласился я.

– У нас же усиление действует, – вкрадчиво заговорил Семенов. – Патрули ходят. Надо попросту отправить кого-нибудь туда. Наверняка рядом есть наши.

– Голова, – обрадовался я и побежал в дежурку.

В дежурке дремал Чернов. Он лишь на миг покосился на меня, когда я схватил рацию и громко рявкнул:

– Это Центральная. Есть кто рядом с Гоголя, восемнадцать?

– На приеме двести двадцатый, – почти мгновенно отозвался из динамика искаженный голос патрульного. – Мы рядом.

– Очень хорошо, – обрадовался я. – Поднимитесь в семнадцатую квартиру, проверьте, все ли там в порядке. О результатах доложите.

– Вас понял, – отозвался двести двадцатый и отключился. Воспользовавшись паузой и дремой Чернова, я налил в его кружку чаю, стащил пару карамелек и уселся за стол. Время тянулось липкой патокой. В данный момент мне больше всего на свете хотелось, чтобы патрульные не смогли попасть в квартиру и, в случае, если Юле действительно звонил убийца, труп нашли не в мое дежурство. Семенов тоже спустился вниз, вопросительно поднял брови и дернул подбородком, мол, что там? Я едва успел отрицательно покачать головой и пожать плечами, как рация ожила.

– На приеме двести двадцатый. Дверь в квартиру открыта. На звонки не реагируют. Входим.

Я подавился карамелькой и замер. Чернов тряхнул головой и посмотрел мутным взором. Семенов прильнул к стеклу с другой стороны. Рация молчала всего минуту, а потом несколько тревожный голос сообщил:

– Центральная, здесь жмурик в ванне плавает. Вызывайте бригаду, тут все в крови.

– Блин, – выругался я, припомнив Быстрову недобрыми словами. – Подежурили. Семенов, собирайся, едем жмура осматривать. Сегодня Милованов дежурит?

– Милованов, – кивнул проснувшийся Чернов. – Что там, Кирилл?

– Убийство, похоже, – отмахнулся я. – А из следаков кто?

– Земельцева. Она в кабинете начальника устроилась. Сейчас я ей позвоню.

– Еще лучше, – скривился я. – Ладно, мы во дворе, если что. Пойду скажу, чтобы нам нашу «антилопу-гну» подали.

Ехали мы в полном молчании, едва втиснувшись в служебную «Волгу». Хмурая, сонная Земельцева, сидевшая рядом с водителем, отрешенно смотрела в окно. Жора Милованов, придавленный тяжестью своего чемоданчика, сердито сопел. Семенов, прижатый к дверце, душераздирающе зевал. У самого дома, прежде чем выйти из машины, Земельцева повернулась к нам:

– Быстрову ко мне на допрос с утра, – неприязненно произнесла она.

Я хмуро кивнул. Бедной Юлии достанется… Вместо помощи следствию попадет под раздачу, даже былых заслуг не вспомнят… Надо будет не забыть посоветовать не лезть в это дело… если, конечно, послушает…

Обшарпанная трехэтажка встретила нас мрачным зевом подъезда. В подъезде было тихо, и только где-то наверху негромко разговаривали люди да шаркали подошвы по сырому бетону. Чем выше мы поднимались, тем сильнее становилась непонятная вонь: не то от грязи, не то от гнили – запах подъездной жизни, которую приходилось вдыхать всем обитателям этого дома. Так пахло безразличие, скаредность и плохо скрываемая нищета. В подъезде, не запира-

ющемся на замок, наверняка ночевали бомжи. Тусклые лампочки не слишком усердно развеивали сумрак, а летавшая вокруг них мошкара отбрасывала на стены эпилептически пляшущие тени. Звуки наших шагов гулко отдавались под самым потолком, словно падающие в темную воду камни.

На лестничной клетке бдили патрульные. Увидев нас, они обрадованно перевели дух и с неестественной расторопностью распахнули простенькую деревянную дверь квартиры. Они явно желали спихнуть находку в чужие руки, за что их даже не осуждали. Я бы тоже хотел.

Покойник плавал в наполненной до краев ванне. Глядя на него, Земельцева побледнела и качнулась. Семенов, рванувшийся поглядеть на покойника, едва не сбил ее с ног. Труп, лежа на боку, колыхался в воде черной медузой. Сходство усиливала широкая майка и вздувшиеся пузырями темные спортивные штаны. Старый кафель, местами побитый и заляпанный потеками мыла, был забрызган подсохшими капельками крови. Вокруг лысой головы клубилась багровая туча. Широко вытаращенные глаза страшно смотрели сквозь бурую пленку воды.

– Ну, приступим, помолясь, – выдохнул Милованов и зачем-то перекрестился. Земельцеву он отодвинул в сторону как неодушевленный предмет, та, хватая ртом воздух, ничуть не противилась и все сползала по стеночке, пока бдительный Семенов не приволок ей табуретку из кухни.

– Семенов! – рявкнул я. – Нельзя же ничего трогать!

– Виноват, товарищ капитан, – казенно извинился Семенов и покраснел как девушка.

– Да, ребятки, вы там сильно не топчите, гляньте поверху, – попросил Жора. – А я пока покойничка оприходую.

– Жор, ты хотя бы сейчас сказать можешь, давно он тут лежит или свеженький? – спросил я.

– Ну, часа три он плавает, хотя фиг его знает, – отозвался Жора, сунув руку в воду и нашаривая цепочку с пробкой, – если судить по трупным пятнам… Вон розовенькие какие. Экхимозы еще не наблюдаются. Хотя… водичка теплая, может, и меньше трех часов.

В трубах зашумела вода. Я оставил Жору в ванной, а сам вышел на кухню, где уже рыскал Семенов. Увидев меня, он кивнул на стол. На нем в феерическом беспорядке красовались бутылка водки, немудреная закуска, одинокая рюмка, скомканная тряпка, складной нож и смятая газета.

– Он тут один был, похоже, – сказал Семенов. – Выпивал, закусывал…

– Или посуду вымыли и убрали, – возразил я. – В шкафу смотрел?

– Смотрел. Тут посуды вообще нет, она вся на столе.

– А в мусорном ведре?

Семенов закрутил головой и начал осторожно открывать шкафчики. Ведро отсутствовало как таковое, вместо него в старом колченогом шкафу обнаружился забитый до отказа пакет, чье содержимое угрожающе перевешивалось через края. В дверях показался криминалист, незнакомый и мрачный, и невежливо кашлянул.

– Семенов, – скомандовал я, – хватай пакет и пошли, в коридоре его вывалим куда-нибудь на газетку, пока тут на пальцы все проверят. Вы в комнате проверяли?

– Нет еще, – хмуро сказал эксперт и душераздирающе зевнул. – Не лапайте там ничего, а то потом я концов не найду. И чего столько шуму из-за алкаша какого-то…

В мусорном пакете ничего интересного найдено не было. Семенов брезгливо сгреб все обратно, а я, воспользовавшись моментом, сунулся в комнату и бегло огляделся. Эксперт, закончив с кухней, протиснулся мимо, одарив меня неприязненным взглядом.

В комнате царил жуткий беспорядок, так что сказать навскидку, боролись ли тут люди или все угваздал еще при жизни хозяин квартиры, медленно остывавший в ванне, было тяжело. Воспользовавшись паузой, мы вышли на лестницу покурить.

Вернувшись, я увидел, что Жора уже сидит в кухне и диктует Земельцевой результаты осмотра.

– Жор, ну что там? – спросил я, сунув голову в проем.

– Вы нам мешаете, – сказала Земельцева противным голосом, не поднимая глаз от протокола. Жора на нее не обратил внимания.

– Ну что я могу сказать. Покойничка нашего шандарахнули по голове, а уже потом приволокли в ванную и там, еще раз тюкнув по темечку, утопили. Трупное окоченение почти не выражено, так что жмурик свежий. Били его, кстати, молотком, скорее всего, он под трупом на дне ванны лежал. Так что смерть насильственная. Кроме того, вряд ли покойничек сам себе вот эту штуку в пасть засунул.

Ловким жестом фокусника Жора продемонстрировал полиэтиленовый пакетик, в котором лежала игральная карта – червонный валет.

– Интересная штучка, правда? – усмехнулся Жора и почесал макушку. – А вот на прошлой неделе мы случайно на бережку девочку не находили с картой? И тоже в водичке, что характерно. У кого-нибудь мыслишки есть по этому поводу?

– Занимайтесь своим делом, а вопросы оставьте следствию, – злобно прошипела Земельцева. – Ваше мнение никого тут не интересует.

По мгновенно налившимся кровью щекам Жоры я понял – сейчас он будет орать, и, возможно, очень громко. И потом к нему на кривой козе не подъедешь. Уйдет на больничный и поминай как звали…

– Как же убийца в квартиру попал? – громко спросил я. – Дверь вроде бы не взломана.

– Там замок булавкой можно открыть, – влез Семенов. – У моей бабки такой был, я постоянно ключи терял, так в дом попадал без проблем.

– По документам некий Боталов здесь не прописан… Надо документы еще поискать, – задумчиво произнес я. – Семенов, пошарь потом по тумбочкам.

– Вам заняться нечем? – язвительно осведомилась Земельцева. – Обойдите квартиры, опросите жильцов. Неужели вас этому учить надо? А вы, товарищ эксперт, не отвлекайтесь…

– Не надо нас учить, – успокоил ее я. – Семенов, давай на поквартирный обход. Начни с соседей по лестничной клетке.

Я поспешил убраться и, плюнув на опрос соседей, спустился вниз из этой провонявшей сигаретами и смертью квартиры. Пролетом ниже до меня донесся львиный рык Жоры. Молодец Милованов! Земельцевой теперь придется туго. Как она работать с нами будет, интересно?

Я вышел из подъезда и на мгновение поднял голову вверх. Дождь так и не прекратился. Правда, это было даже кстати. Хотелось под горячий душ, яичницы с колбасой, чаю с плюшкой, и спать, спать, спать… Мысль, что предстоит поквартирный обход, а потом отчет в отделе, энтузиазма не добавляла. Плотные тучи на востоке слегка посветлели. Ну да… утро… летом солнце встает рано.

Грозным эхом из арки донесся гул мотора. Оранжевая «инфинити», до самой крыши забрызганная грязью, резко затормозила у подъезда, едва не тюкнув своим хищным рыльцем служебную «Волгу», в которой уже сидел Жора. Дверцы распахнулись так стремительно, что я нервно дернул рукой, нащупав кобуру под мышкой. Запоздалая мысль, что киллеры предпочитают менее гламурные машинки, пришла в голову с некоторым опозданием.

Юлия и Никита, громко хлопнув дверями, решительно направились ко мне. Я вздохнул.

– Кирилл, ну что там? – спросила Юля.

Я кивнул ей, пожал руку Никите и неопределенно пожал плечами. Бдительный Семенов выскочил из подъезда и бросился к шефу на подмогу.

– Вы как тут оказались? – недовольно спросил я.

Никита гаденько ухмыльнулся, Юля закатила глаза.

– Так он же с городского позвонил, – пояснил Никита. – Мы по ментовской базе квартирку-то и пробили.

– Откуда у вас наша база? – сурово осведомился я, но Юля перебила меня.

– Не занудничай! – нервно рявкнула она, не заметив, что стихийно перешла на «ты». – Что там? Труп?

– Труп, – кивнул я, а Семенов шагнул вперед, буквально растопырив уши. Очень ему не хотелось пропустить что-либо интересное. – Некий Боталов Андрей Валерьевич. В квартире не прописан, жил в районе Бензостроя. Это квартира его бабки. Знаете его?

Юля отрицательно покачала головой, потом нахмурилась и вновь помотала своей роскошной черной гривой. Никита же задумался.

– Боталов… Боталов… Что-то вертится у меня такое в голове… Как будто я писал про такого… Он не судимый, часом?

– Судимый, – кашлянул Семенов. Я приподнял брови. – Рецидивист. Только с зоны откинулся, еще двух месяцев не прошло. Карманник.

– Кличка Валет? – осведомился Никита.

– Угу, – буркнул Семенов и осторожно заглянул начальству в глаза – не выражает ли оно недовольства. Я не выражал, поскольку в голове замелькали нехорошие ассоциации. – А вы его откуда знаете?

– Да ниоткуда не знаю, – отмахнулся Никита. – Статью писал про карманников, ну и про Боталова этого. Он же в прошлом году попался на том, что у заместителя мэра паспорт стибрил вместе с кошельком. Его охрана и повязала. Смешное дело было. Чего ж он так рано вышел? Ему вроде бы три года дали…

– Амнистия, наверное, – рассеянно сказал я. – Или сбежал.

– Амнистирован, – подтвердил Семенов. – Хорошо себя вел на зоне, слушался старших товарищей…

– Семенов, – скривился я, – помог человеку – отойди, не напрашивайся на грубость. Или лучше квартиры обойди, поговори с людьми.

– Так полшестого утра, – огорчился Семенов. – Люди спят еще.

– А тебе что за дело? Иди, говорю, а то наболтаешь тут независимой прессе…

Обиженный Семенов потянул на себя тяжелую дверь и скрылся в подъезде. Юля и Никита молчали, глядя на меня: он – алчно, она – встревоженно.

– Кирилл, это не шутки, – нерешительно сказала Юля. – Почему он звонит мне, да еще и запугивает?

– Возможно, вы знакомы, – пожал плечами я. – Ты не узнала его по голосу?

– Да где там, – возмущенно фыркнула она. – Он натужно хрипел, явно не хотел, чтобы узнали. Поди разбери, какой у него нормальный голос…

– Между прочим, в этом что-то есть, – оживился Никита. – Значит, он из твоих знакомых.

– Радость-то какая, – саркастически закатила глаза Юля. – Да у меня тут полгорода знакомых. Что мне теперь – от всех запереться?

– Необязательно, что он знакомый, – охладил я пыл Никиты. – Может просто проявлять осторожность, вдруг ты разговор записываешь?

– Кирилл, а вдруг это… ну, кто-то из той банды? – спросила Юля. – Или кто-то связанный с ними. К примеру, Алишер?

– Алишер же в дурке, – возразил Никита[7].

– Ты уверен? – сладким голосом поинтересовалась она. – Дурка – не тюрьма все-таки, а он вроде бы не буйный. Мог уже сбежать восемь раз.

[7] Подробнее об этих событиях рассказывается в романе «Не умирай в одиночку» (2008).

– Я узнаю, – пообещал я и ненадолго задумался. – Никит, тебе в связи с Тыртычной ничего не говорит цифра десять? Может, она была азартным человеком? В карты играла?

– Да разве что на раздевание, – пожал плечами Никита. – Азартна… не знаю, не замечал. А вот десять… Она как-то обмолвилась, что живет в окружении десяток: у нее день рождения был десятого октября, в этом году ровно двадцать бы исполнилось… Мать ее и сестра тоже десятого родились, только одна в июле, а другая не то в январе, не то в декабре, не помню. И жила она в десятой квартире. А при чем тут это?

– Да так, – отмахнулся я. – Просто спросил. Сестра сказала, что Мария встречалась с каким-то дизайнером, возможно, брюнет, зовут Олегом.

– Ой, по полиграфии – это к Юльке, – отмахнулся Никита. – Я мало кого знаю из этой области.

Юлия ненадолго задумалась.

– Олег… Ну есть такой. Точнее, я знаю двух Олегов, но один – шкня запойная, у нас в типографии работал, но ему лет тридцать пять, он женат, ребенок есть точно, а может, и два. Я, если честно, не помню. Фамилия Шишкин. Только его давно не было видно. Может, уехал куда. А второй – Олег Муроенко. Молодой, лет двадцати шести, действительно брюнет, интересный… Но он в штате нигде не работает, вольный художник. К нему часто обращаются для чего-то экстраординарного. Театр вот наш он оформлял, и на дни города к нему администрация идет на поклон. Совершенно нереальные вещи делает. Но малый он капризный, хотя все делает вовремя. Может быть, еще какой-нибудь Олег есть, у нас же знаете как: кто освоил градиентную заливку, тот и считает себя дизайнером… Но больше с именем Олег у меня никто не ассоциируется.

– А телефоны Шишкина и Муроенко у тебя есть? – спросил я.

– Шишкина нет, а Муроенко где-то был, сейчас поищу, если не удалила. – Юля вынула из сумки телефон и принялась давить на клавиши.

– Так почему с Машкой должна была десятка ассоциироваться? – не отставал Никита.

– По кочану, – отрубил я. – Просто спросил.

Никита поморщился:

– Юлия Владимировна, вы не находите, что нас тут разводят как лохов? Мы тебе помощь следствию, а нам дулю под нос. А-абыдна, да?

– И не говори, – согласилась Юля, продолжая рыться в памяти сотового. – Я вот возьму да и уеду от греха подальше. Пусть убийца им звонит. Или номер сменю.

– Номер мы на прослушивание поставим, – обрадовал ее я. – Только санкцию у следователя возьмем. Ты не возражаешь?

– Да пожалуйста… Ага, вот он, Муроенко… Записывай.

Я старательно перенес данные из телефона в блокнот. Никита заглядывал мне через плечо, стараясь разобрать что-то в моих заметках. Потерпев фиаско, он сморщился и отошел в сторону.

– Кирилл, – вдруг сказала Юля, – меня Земельцева спрашивала про две даты. Как ты думаешь, это связано со звонками?

– Какими датами?

– Двадцатым мая и одиннадцатым июня. В эти дни что-то происходило?

Я пожал плечами.

– Возможно, но ничего такого я не помню. Надо сводки посмотреть. Земельцева со мной не откровенничала. Тебе никто не звонил в эти дни?

– Нет, я бы запомнила… Противная баба эта Земельцева.

– Противная, – согласился я. – Езжайте домой, вы же промокли с ног до головы.

Юлия хотела что-то еще сказать, но потом лишь рукой махнула и влезла в свой оранжевый танк. Никита еще пару минут стоял рядом, но, отчаявшись выудить из нас еще хоть какую-то информацию, пошел к машине.

– Никит, ты это… – крикнул я вслед, – …не пиши об этом пока.

– Да о чем тут писать, – скривился он. – Подумаешь, алкаша грохнули… Кто у меня этот материал возьмет? Или есть связь с убийством Машки?

Затормозив у авто, Никита вперил в меня пронизывающий взор.

– До скорой встречи, – ответил я, помахал ручкой и, утянув за собой Семенова, позорно спрятался в подъезде.

– А кто они такие? – спросил Семенов. – Чего вы с прессой так любезничаете? Может же и по шапке прилететь. Или не может?

– Помнишь, два года назад у нас в области убивали молодых женщин, а потом посадили сразу половину администрации и нашего непосредственного начальника?

– Это когда жертв в Интернете искали? – вспомнил сообразительный Семенов.

– Вот-вот.

– Помню. А при чем тут?..

– А вот Никита и Юля на след и вышли. Шмелеву тогда убийца даже голову проломил, чудом выжил. А Юльку мы с ее мужем спасли в последний момент…

Семенов почесал макушку. Я же, припомнив события тех дней, невольно скривился, точно пули, выпущенные из ружья, достались не маньяку, а мне.

– А чего они тут делали? – осторожно спросил Семенов. – Юле звонил убийца?

– Звонил, – раздосадованно сказал я. – И как говаривал Винни-Пух, это неспроста.

Олег

Готэм не спал. Город впитывал страсти мрачных сырых улиц и ждал своего героя. Здесь, в узких переулках, совершались самые темные сделки. Люди продавали свои тела и души – иногда добровольно, иногда под нажимом обстоятельств, но всегда с нежеланием, точно другого выхода не было. Вот уже несколько дней над высотками стелилась плотная завеса черных туч, истекающих колючими каплями дождя. В Готэме не бывает хорошей погоды. Сюда не заглядывает лето. Осень переходит в зиму, а зима – сразу в октябрь. Город изначально был проклят Богом, и теперь в нем никогда не бывает радости. В Готэме холодно и страшно.

Здесь не зажигают новогодних елок, не дарят подарков, не радуются выходным. Готэм мертв изначально, живущие в нем – тени прошлого. Они скользят по улицам, вежливо кивают друг другу, как будто еще помнят правила приличия, но их глаза пусты. Призраки не чувствуют боли, страданий, тепла и любви. Они стелются опавшей листвой по стылым улочкам, пропадая из виду, и никогда не поднимают голову к небесам. Почему?

Они уже не верят в героев. Яркий луч с небоскреба не прорежет ночную темень, не высветит на облаках безупречный круг с силуэтом летучей мыши. Бэтмен не придет на помощь к вам, люди-призраки, потому что его не существует, так же, как Деда Мороза.

Но кое-кто в Готэме есть.

Это я.

Сидя на крыльце дома, я курил и смотрел на противоположный берег реки. Отсюда его было видно отчетливо. Слева мелькала огоньками плотина. С недавних пор, а точнее, на прошлой неделе, тамошний пост усилили, и целых два дня охранники не спали ночами, бдительно прохаживаясь по периметру и преувеличенно бодро реагируя на каждый шорох. Но теперь все успокоилось. Охрана вновь попивала чаек и смотрела телевизор. Когда на Готэм опускалась ночь, я видел голубоватое мелькание в единственном окошке будки. И каждый раз бился в истерическом припадке смеха. Кого они могли поймать? В подзорную трубу я иногда видел их, служителей порядка, прогуливавшихся в обтянувшей животы синей униформе. Охрана… Наклониться не могут без посторонней помощи. А ведь что могло быть проще? Пересеки они эту пугающую черную ленту реки – и вот он я. Только кому придет в голову искать злодея в маленьком домике, где из удобств – летний водопровод да неслыханная роскошь в виде электричества.

Лобо, забившийся в свою конуру, дремал или делал вид, что дремлет, хотя иногда, стоило мне поменять положение тела, я ощущал пронизывающий взгляд желтых глаз. Сегодня он лишь пару раз выходил на улицу, орошал ближайший куст и вяло ел из своей миски. В такую погоду вся живность забивалась по щелям, что уж о нем говорить…

Я нашел его давно и не поверил своим глазам, когда тощий щенок превратился в монстра. Кто бы мог подумать? Привезя его из Казахстана в виде домашнего питомца, я даже не предполагал, что зверь способен на такую преданность.

Я потушил сигарету и вошел в дом. Лобо на миг поднял голову, но из конуры так и не вылез. Прошлой ночью, когда разыгрался настоящий ливень, я едва ли не силой затащил его в дом, но он все равно начал скулить и царапать дверь, предпочтя буйство стихии относительному спокойствию. Только одну ночь Лобо неотрывно провел рядом со мной, когда я корчился от боли, чувствуя, как перекатывается внутри что-то круглое, задевая сердце, стуча о позвоночник и впиваясь в легкие. Каждый раз, когда шар подбирался к горлу, я просыпался на мокрых от пота простынях, опасаясь, что задохнусь. Во время приступов Лобо никогда от меня не отходил, и, отдышавшись, я обнимал его, вдыхал тяжелый запах шерсти, с облегчением сознавая – все кончилось, боль отступила, угрожающе скалясь беззубым ртом.

Я скинул ботинки и забрался в противно скрипевшую кровать. Пружины давно вытянулись так, что сетка изрядно провисала, отчего у меня по утрам болела спина. Но все же это было самое лучшее место на свете, гораздо уютнее тесных клетушек, именуемых благоустроенными квартирами. Комфорт погубит человека. Из зверя он плавно превратится в аморфную медузу, которая одним движением щупальца может заставить мир крутиться в нужную сторону.

Плеер лежал на кровати. Я нажал кнопку, выставил случайный выбор и, откинувшись на набитую ватой подушку, с нескрываемым удовольствием впитал в себя как нельзя более подходящую к состоянию души песню.

Pain, without love
Pain, I can't get enough
Pain, I like it rough
'Cause I'd rather feel pain than nothing at all

You're sick of feeling numb
You're not the only one
I'll take you by the hand
And I'll show you a world that you can understand
This life is filled with hurt
When happiness doesn't work
Trust me and take my hand
When the lights go out you will understand[8].

Готэм не спал, мигая огнями, перекликаясь сигналами автомобилей. С другого берега еще доносились отдельные голоса людей. Не будь я так близко от реки, может, ничего бы и не услышал. Однако по воде звук летел как на крыльях…

Темные воды что-то шептали, но, оглушенный роком, я предпочел не слышать. Вода была моим личным врагом, извечным кошмаром и самым притягательным из всего, что было в мире. Повернувшись на бок, я подвинул к себе телефон и открыл крышку. Три пропущенных вызова. Два – от Игоря, один – от Ланы.

Застать брата дома не удалось. Утром он убежал на работу. Я же, с раскалывавшейся головой, забежал к нему около четырех дня, памятуя, что накануне оставил кое-какие вещи, а также незавершенный проект в ноутбуке. Заказ необходимо было закончить к утру, о чем я совершенно забыл. Спохватившись, я засел за работу, уже под вечер вспомнив, что даже не пообедал. Брат так и не пришел, да и на звонки не ответил, видимо, сидел в кабинете супервайзера, отчитываясь о проделанной работе. Я обследовал полупустой холодильник и, не найдя ничего привлекательного, решил перекусить на обратном пути в кафе или ресторане.

В ванной на веревке сушилась моя рубашка, которую я бросил накануне. Глядя на нее, я ощутил смутное беспокойство. По краю рукава проходила буроватая полоска, которую не удалось вывести пятновыводителем. Шипя от раздражения, я сдернул рубашку с веревки так, что прищепки разлетелись в разные стороны. Игорь не говорил со мной накануне, но иногда я ловил косые взгляды, исполненные подозрительного любопытства и тревоги. Иной раз стремление заботиться обо мне, точно курица над единственным цыпленком, раздражало.

Соседка снизу, старуха лет семидесяти, встретила меня злобным взглядом и сжатыми губами. Кажется, понемногу она начинала нас различать, поскольку со мной так и не поздоро-

[8] Боль без любви, // Боль – а мне мало, // Боль – пусть больнее, // Лучше чувствовать боль, чем совсем ничего.Ты болен от беспомощности // Но ты не один – // Я возьму тебя за руку, // Покажу тебе мир, // Который ты сможешь понять. // Жизнь корчится от боли, // Когда счастье сдается, // Поверь мне, дай мне руку – // Там, где гаснут огни, ты все поймешь. (*англ.*) Фрагмент песни «Pain» («Three Days Grace»).

валась. С Игорем она была куда более приветлива. Проходя мимо, я ощутил удушливый смрад немытого тела, застарелый запах мочи и грязи. Мне кажется, так пахнет старость: нищая, без намека на честность и благородство, старость людей, не сделавших в жизни ничего, за что их следовало уважать. При всей своей ужасающей нечистоплотности старушка мнила себя кокеткой, периодически радуя общество своими эпатажными нарядами. Вот и сегодня на ней было пальто, побитое молью и потерявшее вид еще в прошлом тысячелетии, легкомысленный пестрый шарфик и грязноватая шляпка с вуалькой, издали похожая на облезлую крысу. Когда старушка на миг ощерилась не то в оскале, не то в улыбке, я увидел, что у нее практически нет зубов. Старуха была типичной обитательницей города, и я не удивлюсь, если, странствуя по кривым переулкам ночной порой, найду ее высасывающей кровь из невинных младенцев.

Поковыряв в замочной скважине ключом, старуха открыла дверь. Чудовищная вонь едва не сбила меня с ног.

Газеты безмолвствовали. По дороге в свою берлогу я скупил все, что выходили в городе, плюс столичные «толстушки» с местной вкладкой. О произошедшем в городе не было ни слова. Особая надежда на одну из столичных газет также себя не оправдала. Ничего не значащие заметки пестрили умеренно броскими заголовками, но о главном (для меня!) они не сообщали. Впрочем, какие могут быть новости в мертвом городе, где основная новость лета – урожай зерновых текущего года.

В полупустом автобусе я дремал, вытянув ноги. Усталая женщина-кондуктор тускло смотрела в окно, не радуясь концу смены. В салоне было холодно, воняло бензином и чем-то кислым. Над ухом орал динамик. Хилый мальчишеский голос старательно выводил незатейливую песенку о зоне, куполах и ветке сирени. Тоска по дому, который он видел сквозь решетку, выходила неубедительной. Я поморщился и включил плеер.

Дом был пустым, выстуженным и неприветливым. Лобо вяло помахал хвостом, ожидая подачки. Накормив его, я еще раз пересмотрел газеты, а потом раздраженно швырнул их на пол. Тишина… Странная тишина… Неужели до сих пор не поняли? Брат, к примеру, уже наверняка догадался если не обо всем, то хотя бы подоплеку моего настроения обнаружил безошибочно… Но он умный, а в милицию идут только дегенераты.

Теперь же, лежа в кровати, я перезвонил Игорю, чтобы услышать его голос, успокоить или, напротив, сорвать на нем раздражение, но телефон уже был выключен. Лана наверняка спала, так что перезванивать я не стал.

Я еще раз покосился на валявшийся рядом сотовый, но так и не взял его. Время еще не пришло. А всякий злодей имеет четкий план, которого придерживается, несмотря ни на что. Колыхавшиеся тени за окном лезли в комнату, протягивая кривые пальцы к горлу, а мое лицо, отражавшееся в старом зеркале, скалилось гротескной улыбкой Джокера. Я помахал отражению рукой и закрыл глаза.

Город подождет.

Кирилл

В ГУВД я оказался только ближе к вечеру.

Собственно, никто мне не давал поручений бросить родной отдел в микрорайоне и отправляться к коллегам из Центрального. Теоретически запрос можно было сделать и по телефону, но я решил – поеду сам. В кои-то веки из туч вылезло солнышко и (о, чудо!) начало припекать. День выдался жаркий, даже душный – верный признак того, что ближе к вечеру небо вновь затянут тучи.

В планах было покопаться в сводках с самого утра. Вот только городские мероприятия с планами не очень согласовывались.

Утром нас отправили на центральную площадь. Новый мэр вещал с высокой трибуны о политике президента, подобострастно кланяясь в сторону Кремля. Рядом с мэром торчала какая-то шишка из столицы, важно кивая и шевеля усами, как навозный жук. С утра на разводе нам сказали, кто это, вот только я, отчаянно зевая до пробок в ушах, так ничего и не услышал. Это еще хорошо, что утром позвонил верный Санчо Панса, то бишь Сашка Семенов, предупредил об усилении и необходимости прийти на работу в форме.

Народу на площади было много. Насколько я понимал, сюда согнали всех госслужащих из окрестных административных зданий, так сказать, для поддержания тусовки. Я поскреб в голове и попытался вспомнить: может, сегодня праздник какой? Память упорно отказывала.

Работы, в общем-то, было немного. Начальник, мазнув взглядом по нам с Семеновым, удалился в сторону сцены. Воспользовавшись ситуацией, я отошел в тенек и безрадостно уставился в толпу. Ну скажите, кому придет в голову устраивать тут заварушку? Наш город и без того сонный и инертный. Взорвись на окраине ядерная бомба, никто и не почешется, пока все не попадают замертво. Даже когда президент приезжал среди зимы, в жуткий февральский день, никому в голову не пришло организовать теракт или хотя бы просто пьяную бучу. Да, тогда, отстояв на морозе в колючую вьюгу добрых восемь часов, мы прокляли все на свете, включая исполнительную власть и особенно ее официальные визиты. Мне дважды повезло. Во-первых, начальник поставил меня оберегать от демоса краеведческий музей, так что я, как только президент толкнул краткую приветственную речь, зашел внутрь и просидел там до закрытия. Во-вторых, в музей ввалился окоченевший Шмелев. Работники пробовали его не пустить, Никитос устроил жуткий скандал. В итоге я вышел на шум и уволок его с собой в какую-то подсобку. У продрогшей акулы пера с собой оказалась плоская фляжка с коньяком, который мы и выжрали без зазрения совести.

– За что люблю нашего президента, – глубокомысленно заявил Никита, – так это за краткую осмысленную речь. Ему тоже, видать, было холодно, поэтому он не по делу языком не чесал. Два-три емких предложения – и адьё, всем привет. Помахал ручкой и поехал дальше.

– Ты тут так задубел? – спросил я.

– Где там… Я еще на открытии школы был. Я бы директору в дыню дал с искренней радостью… Ты представляешь, на дворе минус двадцать, а президента встречают радостные синие дети в легких рубашках и платьицах… Хорошо, что он сразу велел их в школу завести.

– Ну, так они, поди, перед его приездом вышли, – наивно предположил я.

Никита посмотрел на меня как на больного.

– Ты перед самым приездом на пост пришел? То-то и оно. Вот и они, как положено, – за три часа. И мы так же. А иначе не пропустят – протокол, аккредитация и все такое. Так вот, мы там проторчали ровно три часа и дети столько же. А где-то за час до прибытия кортежа сняли пальтишки. Вот скажи, президенту не все равно, в пальтишках они его встретили или в белых рубашках?

– Думаю, на форму одежды он даже не обратил внимания, – пожал я плечами. – А ты всегда носишь с собой коньяк?

– На протокольные мероприятия? Хе, я с собой еще пару «Сникерсов» ношу, потому что точно не знаешь, когда эта лабуда кончится. А то, пока господ дождешься, помереть можно…

Фляжка опустела быстро, да и особо полной она не была. Никитка приложился к ней еще на улице, так что мы быстро заскучали и после пары ничего не значащих фраз попрощались. Никита убежал писать статью, я же, проторчав в музее еще пару часов, сдал свой пост и отправился в отдел.

Сегодня, по крайней мере, было тепло. Стоя под козырьком внушительной конструкции крыльца городской администрации, я, лениво растекаясь по колонне, мечтал о пиве или на крайний случай о мороженом. И что самое обидное, лоток был рядом, вот только начальство не дремало и пожирать эскимо не позволило бы, хотя у самого лысина блестела от пота. Семенов суетливо крутился рядом, раздражая своей энергичностью. Мэр гундел, восхваляя родную отчизну, а усатый гость рассеянно внимал, озираясь по сторонам. Бросаемые им украдкой взгляды то и дело останавливались на зеленом зонтике с пивной эмблемой. Ну да, жарко ему в пиджаке-то да на самом солнцепеке…

Неподалеку от сцены торчали телевизионщики. Судя по их расслабленным позам, пламенная речь мэра уже не записывалась. Рядом с оратором стояли Юля и Никита и о чем-то трепались с высокой грудастой дамой. Никита время от времени озирался по сторонам, щелкал фотоаппаратом, а Юлия в открытом коротком платье, небрежно откинув волосы, слушала собеседницу и очень неприятно улыбалась. Наши взгляды встретились. Юля ткнула Никиту локтем в живот и указала подбородком в мою сторону. Мы вежливо раскланялись, после чего я, заметив резкое движение готового бежать Никиты, позорно покинул пост. Только расспросов мне и не хватало.

Мероприятие завершилось концертом, открывали который плясуны в пропотевших народных костюмах. Поскольку в рациях прозвучала информация об отъезде высокого гостя, мы расслабились. Начальство отбыло вместе с залетным москвичом, мы с Семеновым купили по пивку и, спрятавшись за густыми кустами сирени, преспокойно выпили.

– Закончится эта бодяга – дуй в отдел, – приказал я. – Мне еще надо сводки посмотреть. Не нравится мне эта история со вчерашним трупом.

– Может, я с вами? – заныл Семенов. – Мне будет полезно опыта поднабраться.

– Не все полезно, что в рот полезло, – дежурно отшутился я. – Я пошел. Если что – я где то на территории. Понял?

– Есть, шеф, – безрадостно козырнул Семенов. Я помахал ему ручкой и ушел. Чудак-человек… Сиди себе в кустиках, филонь, чего ж его так на подвиги тянет? Молодежь…

В ГУВД было малолюдно и, к счастью, прохладно. Дежурный без разговоров сунул сводки за два месяца, которые я просмотрел с величайшим вниманием. Собственно, долго искать не пришлось…

«Двадцать второе мая… очень интересно… труп некоего Антона Курочкина… Двадцать девять лет, не судим… найден на берегу реки. Причина смерти – утопление… А еще интереснее, что дежурила от следствия тогда мадам Земельцева… Двенадцатое июня… та же мадам Земельцева осматривала труп восьмидесятилетней бабуси, утонувшей в котловане. Что тут еще имеется?»

Просмотрев сводки между двадцатым мая и одиннадцатым июня повнимательнее, я нашел еще четыре случая обнаружения трупов в воде, но больше Земельцева на них не попадала. Два трупа были явно некриминальными – мужики утонули на рыбалке. А вот с двумя оставшимися ничего ясно не было… Впрочем, как и с теми, кого осматривала мадам следователь. Выписав фамилии оперативников, я взял у дежурного их телефоны и, удостоверившись, что никто из них в Центральном ГУВД не работал, поехал домой.

Юлия

Проворочавшись в кровати до четырех утра, я выпила пару таблеток ново-пассита и благополучно проспала на работу. Разбудил меня попугай. Еще до нашего знакомства с мужем какой-то приятель подарил ему белого какаду с мерзким характером. Валера любовно назвал его Кешей, сын Валеры, оставаясь ночевать, – говнюком, я же иначе как сволочью его не величала. Попугай мастерски открывал клетку изнутри, воровал со стола то, что мы неосмотрительно забывали убрать в холодильник, раздирал мои журналы на цветные полоски, коими украшал себя. Торчащая из перьев бумажная вермишель смотрелась феерично. Попугай немилосердно клевался, рвал колготки, до полусмерти запугал кота и орал диким голосом, обнаружив кормушку пустой. Муж, путешествуя по миру, научил попугая смачно ругаться. Я с грустью констатировала – нормальные слова в словаре пернатой сволочи не приживаются. Вот и сегодня, когда мобильный нудно умолял меня проснуться, попугай залетел в комнату и, усевшись на изголовье кровати, заорал:

– Каррамба!

Я подскочила так, что перепугала и спящего кота, и этого гадкого нарушителя спокойствия. Попугай пушечным ядром вылетел из спальни, чудом не сбив люстру, кот забился под кровать. Я же, чертыхаясь, пыталась одновременно одеться, умыться, накраситься и накормить свое небольшое стадо. Попугай свою пайку оценил критически и с интересом скосил взгляд на кошачью миску, куда я насыпала «Вискас». Бьюсь о заклад, этот паршивец еще и кота объедает, пока никто не видит…

На работу вновь пришлось ехать в «инфинити». Вообще машин у нас две, но «мерс» забрал муж. Оранжевый танк Валера купил в начале года специально для меня, убедившись, что мне можно доверить что-то дороже велосипеда. Машину я поначалу недолюбливала. Уж больно здоровой она была, опять же – проблемы с парковкой, да и цвет – вырви глаз… Но потом как-то привыкла и смотрела на остальных свысока, в прямом и переносном смысле. Уж больно высоко находилась дверка, так что в салон я взгромождалась, словно на верхнюю полку спального вагона.

День выдался каким-то дурацким. Заявленных рекламных макетов так и не прислали, наобещав все доделать ближе к вечеру. Заняться было абсолютно нечем, так что я сидела в кабинете и чахла от тоски. Мысли, крутившиеся вокруг срочных рекламных модулей, волей-неволей направили меня в русло разнообразия недавних событий. Странно все это… Звонки… Дружба убитой девушки с Олегом… Да, кстати, надо было ему позвонить и отдать этот проект, он со сроками никогда не запаздывал… Промаявшись полдня, я от скуки написала статью в следующий номер, ответила на текущую почту, что обычно делала ближе к вечеру. Теоретически можно было сбежать домой, вот только сегодня в конторе злобствовал начальник. Нужен был благовидный предлог.

Дверь распахнулась, втолкнув в устоявшуюся кондиционированную прохладу духоту коридора с неприятным шлейфом ароматов сортира. Я, расстреливавшая на мониторе из каменной лягушки свору разноцветных шариков, вздрогнула, но тут же с облегчением перевела дух: в комнату ввалился Никита и без приглашения рухнул на кожаный диванчик.

– В «Зуму» рубишься? – осведомился он. – Вот так и проводит свое время офисный планктон. Как успехи?

– А где «здравствуйте»? – возмутилась я.

– Здравствуйте, моя госпожа, – оскалился Никита. – Ты ничем особым не занята?

– Вроде нет, – пожала я плечами. – У нас пока работа стоит. Кофе будешь?

– Не буду, некогда. Ты на колесах?

– Ну да, а что?

– Да мой верный конек-горбунок откинул копыта, похоже. – Отчаянным жестом Никита отправил в небытие свой старенький «фольксваген». – Чинил, чинил – все без толку. А сегодня какой-то хрен из Москвы приехал, министр или кто… Я по телефону не разобрал… Неохота через весь город на трамвайчиках тащиться. Подвезешь?

– Наверное, – неуверенно сказала я. – Начальство тут шастает, потихоньку сбежать не удастся. Попробую внаглую. Скажу, что меня пригласили… Хотя наш журнал ничего подобного не освещает, но шеф любит лесть. Либо умчится туда сам, либо меня отпустит. Нам оба варианта годятся.

– Пойдешь на доклад? – скривился Никита.

– Вот еще… Много чести. Позвоню.

Я позвонила. Как и предполагала, шеф с энтузиазмом отпустил меня «показаться» перед нужными людьми. Диалог с ним я вела вкрадчивым голосом, не забывая томно придыхать и глупо хихикать. Трубку положила с чувством выполненного долга.

– Что шеф? – оскалился Никита.

– Я его сделала, – щелкнув пальцами, выпалила я. – Как мальчика! И даром! Валим, пока он не надумал со мной ехать.

У машины Никита ненадолго впал в ступор, а потом развалился на рыжем капоте с понятной тоской во взоре.

– И почему у меня нет такого мужа? – грустно спросил он и тут же добавил: – Это был риторический вопрос, если что…

– Машинку хочется?

– Хочется. Причем знаю, какую. Вот, «Ауди-Степпенвольф». – Никита подсунул мне под нос мобильный. Я глянула на дисплей и присвистнула.

– А что ж так скромно?

– А мне название понравилось… «Степпенвольф»… «Крадущийся волк»… Скажи, романтично?

– Очень, – усмехнулась я и добавила, старательно копируя кавказский акцент: – Куда едем, свет очей моих?

– К администрации… Весь тусняк там будет… А, кстати, ты в курсе, что Жанка приехала?

– Да ладно? – обрадовалась я. – Одна?

– Вроде бы с детьми. Позвони, она с утра тебя найти не могла, что странно. Обычно она до Кремля дозванивается без проблем, а тут… Сворачивай налево, так быстрее будет…

Жанна была моей подругой, но в последнее время мы виделись редко. До своего замужества она работала в визовом отделе посольства, а потом, улаживая какие-то сложные дела, познакомилась со своим будущим мужем. Горячие грузинские гены взяли свое, так что у Романа – так звали супруга Жанны – шансов остаться холостяком не было. Замуж она выходила примерно в то же время, что и я, но в Грузии, так что ни я у нее, ни она у меня на бракосочетании не отметились. Муж Жанны был то ли сыном посла, то ли еще какой важной шишки и в солнечной Грузии занимал почетное место в строю олигархов. Мы с ним виделись всего один раз, да и то под неусыпным взором Жанны, поскольку Рома при виде меня пускал слюни и смотрел с хищным интересом всех кавказских мужчин. Хотя у них там своих брюнеток завались…

На площади было многолюдно. Протиснувшись в первые ряды, мы заняли позицию рядом с камерами местного телевидения. Прессы на мероприятии было предостаточно, но судя по одинаково вытянутым скучным лицам, ничего неординарного не произошло. Мэр нудно рассказывал о наших успехах, столичный гость вытирал потный лоб и важно кивал. Думаю, ему было так же тоскливо и хотелось в тенёк. Кто-то осторожно прикоснулся к моему локтю.

– Здравствуй, Юля, – сказала высокая блондинка с некрасивым лошадиным лицом, которое успешно затмевал пышный, явно ненатуральный бюст.

– Здравствуйте, Милана Ренатовна, – вежливо ответила я, хотя охотнее произнесла бы совсем другие слова. Вот только произносить их в приличном обществе девушке моего положения отнюдь не комильфо. Память услужливо подсунула воспоминания о знакомстве с этой дамой, отчего я улыбнулась как гюрза.

Милана в свое время тоже краешком проходила по делу о виртуальной банде, убивавшей в нашей области молодых женщин. Тогда пышногрудая мадам в компании с пластическим хирургом Алишером из корысти разводили богатых мужчин на деньги. Алишер писал им письма, а на свидания отправлялась Милана, делавшая это исключительно из спортивно-постельного интереса, поскольку была дамой обеспеченной. На Валеру она тоже имела виды, но он предпочел жениться на мне, а ее после небольшой стычки выставил за дверь. Алишер, совершенно сбрендив, попытался убить меня, но вместо этого ранил моего слепого соседа Толика и загремел в дурку, где наверняка сидит до сих пор. С Миланой мы периодически сталкивались на различных мероприятиях, поскольку она тоже выпускала журнал, безуспешно конкурировавший с нашим. При встречах я кивала и отходила в сторону, она тоже не проявляла большого энтузиазма продолжать общение.

– Как дела? – поинтересовалась она. – Как Валерий?

– Все хорошо, спасибо, – холодно ответила я.

– Он не здесь?

– Нет, в командировке.

Милана покосилась на Никиту, который неестественно изображал полное равнодушие.

– А вы всё вместе ходите, как Лёлек и Болек? – фыркнула она, обнажив крупные лошадиные зубы. – Куда только муж смотрит?

Отвечать я не стала, лишь презрительно улыбнулась, высоко подняв левую бровь. Милану слегка перекосило, и она беспокойно оглянулась по сторонам.

– А я тут с мужем, – неожиданно объявила она довольно нервным голосом. – Вон он, рядом с мэром стоит. Между прочим, сегодня мы спонсируем концерт… Толик! Толик! – замахала она рукой в сторону трибуны. Мужчина слева от мэра покосился на нас и скривился, точно у него болели зубы.

– На самодеятельность много денег не надо, – фыркнула я. – Городские артисты за гроши и спляшут и станцуют. У вас так плохо идут дела?

Лицо Миланы покрылось красными пятнами. Она поджала губы, готовясь сказать какую-то гадость, но громадным усилием воли сдержала себя.

– Ну что ты, – притворно рассмеялась она, растекаясь паточной улыбкой, от которой мгновенно свело скулы. – Все отлично. В сентябре выпустим приложение к нашему журналу… так… тысяч пятьдесят тираж… Знаешь, как назовем?

– «Коневодство»? – осмелилась предположить я.

– Нет, мы назовем его «Милана», – победоносно заявила она и даже голову вскинула, мол, гляньте на меня, умницу-красавицу. – Это будет отличный модный журнал…

– Бросьте, Милана Ренатовна, пятьдесят тысяч вам никогда не отобьются. Или вы пойдете по проторенной дорожке? Напишете, что пятьдесят тысяч, а выпустите пятьсот экземпляров? Так рекламодатели сейчас не идиоты, они такие вещи проверяют.

Милана заскрипела зубами. Ее глаза метали молнии. Больше всего ей хотелось отойти и не продолжать этот разговор, но сделать это значило признать свое поражение, а она и без того проигрывала по всем пунктам. Я знала, что говорила. Журнал Миланы был почти в два раза дороже нашего и в полтора – столичного глянца. Работать у нее никто не хотел, поскольку платила мадам неохотно, а в нашей среде слухи распространяются быстро. Вот и ставила Милана в номер или перепечатанные из других журналов статейки, или откровенный бред местных

графоманов, готовых приплачивать, лишь бы их нетленки увидели свет. В прошлом году на базе своего рекламного агентства Милана выпустила телефонный справочник, распустив слухи о том, что он будет едва ли не бесплатно раздаваться всем горожанам. На деле толстый телефонный справочник с глянцевыми страницами был отпечатан в мизерном количестве и роздан рекламодателям, коих можно было пересчитать по пальцам. Об афере быстро стало известно. Мы же на работе хохотали до слез. Так что теперь с Миланой имели дело только откровенные лохи.

Мэр закончил свою речь, уступив место заезжему москвичу. Тот, упревший на трибуне, был чрезвычайно краток. Пока Милана сопела рядом раскочегарившимся паровозом, я, лениво оглядывая площадь, наткнулась на знакомую фигуру. Кирилл Миронов и молоденький сержантик, которого мы видели у дома Боталова, стояли в тени козырька администрации. Меня Кирилл заметил в тот же момент и, готова поклясться, нецензурно выругался про себя. Я кивнула ему и ткнула Никиту локтем. Но пока тот вертел головой, Кирилл скрылся. Устав стоять рядом, Милана поспешно уцепилась за заместителя главы администрации и, радостно чирикая, растворилась в толпе.

– Ты еще долго будешь тут торчать? – недовольно спросила я Никиту.

– Мне же репортаж писать, – скривился он. – Черт-те что… Сотни строк не наберется… А почему ты спрашиваешь?

– Я бы к Жанке съездила, пока еще не поздно. Как-то в свете последних событий меня не тянет таскаться по ночам. Мало ли что…

– Езжай, – милостиво согласился Никита. – Я закончу все и приеду. А если не приеду, пусть тебя проводят, или вообще у нее заночуй. Не хватало еще по кумполу получить, как в прошлый раз…

– Тогда я пошла?

– Давай. Слушай, может, тебе вообще на время уехать?

– Я подумаю, – вздохнула я. – Честно говоря, совершенно не хочется лезть куда-то, о чем не имею представления.

Никита кивнул мне на прощание и отвернулся. Я же пошла к машине. Его слова всколыхнули какую-то неясную тревогу, и хотя на дворе стоял белый день, я нервно оглядывалась по сторонам, а в машине, прежде чем завести мотор, внимательно осмотрела заднее сиденье: не спрятался ли кто там? Возможно, такое поведение было самой настоящей паранойей, но я, воспитанная на голливудских ужастиках, твердо знала: злодей в самый ответственный момент всегда оказывается за спиной. В машине было пусто. Обозвав себя дурой, я поехала к подруге.

Предупрежденная по телефону Жанна встретила меня в дверях и тут же набросилась с поцелуями. Учитывая, что она на полголовы выше и на пару десятков кило тяжелее, это выглядело как атака слона. К тому же Жанна при встрече всегда испускает дикие вопли индейцев чероки, ничуть не смущаясь, что соседи потом вызывают ОМОН и нервно пьют валокордин ведрами.

– Юлька, подружка дорогая, как я тебе рада!!! – орала Жанна, стиснув меня в медвежьих объятиях. Я же, придавленная пакетами со снедью и подарками, покорно ждала, пока подруга угомонится. – Ты чего на звонки не отвечала?

– Куда ты мне звонила? – слегка прерывающимся голосом спросила я.

– Куда-куда… В рельсу! Домой, конечно, и на мобильный. Дома автоответчик, мобильный выключен. Я уж думала, не случилось ли чего? Никитос говорил какими-то загадками… Чего в дверях стоишь? Проходи!

Я закатила глаза и выразительно подняла обремененные покупками руки. Жанна наконец-то догадалась отойти с дороги, отняла у меня пакты и проводила в кухню, где умопомрачительно пахло чем-то печеным.

– Ты одна? – удивилась я. – А я детям тут подарки притащила.

Жанна отмахнулась.

– Мама повела их на прогулку, потому что эти кровопийцы всю ночь орали и не давали спать. Дорога тяжело обошлась. Ладно, полдороги я как жена дипломата пролетела с шиком в первом классе, но вторую-то половину пришлось трястись в СВ. Думала, сдохну… Наши, как всегда, перепутали день приезда… Представляешь: выхожу на вокзале, а меня никто не встречает!

Рассказывая, Жанна носилась по кухне, доставала из холодильника снедь и накрывала на стол. Мои вялые попытки помочь были с презрением отвергнуты. Заглянув в духовку, Жанна убедилась, что вынимать еще рано, и уселась напротив с загадочным выражением лица. Я молчала.

– Ну? – не выдержала Жанна.

– Гну.

– Чего ты меня не поздравляешь?

– С чем? С удачным замужеством? Так я тебя поздравляла, как и с рождением твоих корозябок. Или есть что-то еще?

– Есть, – хихикнула Жанна. – Уже два месяца…

– Ух ты, – восхитилась я. – Неужели?

– Ужели. Вот, надеюсь, что будет дочь. Двое пацанов враз – это, конечно, круто, но надо же будет кому-то оставить фамильные бриллианты.

– Откуда у тебя фамильные бриллианты? – фыркнула я.

– Ну это я так, образно, – отмахнулась Жанна. – Давай по рюмочке, пока мне еще можно… Да, я там тебе посылку привезла, сейчас принесу.

Не успела я остановить подругу, как она вылетела из кухни. Когда Жанна, кряхтя, ввалилась обратно, мне поплохело. «Посылочка» оказалась набитой доверху здоровенной сумкой.

– Ты с ума сошла? – запротестовала я. – Ты чего туда натолкала?

– А чего? – обиделась Жанна. – Что, мне жалко? Вот, набор посуды, все как ты хотела, глиняное… Смотри, даже сковородка. У тебя дома есть глиняная сковородка? То-то. А сейчас будет! Ну, тут бутылочка вина, вот ткани отрез…

– Знаешь, – поспешила я сбить ее с мысли, пока она не принялась перечислять содержимое сумки, – а роды пошли тебе на пользу. Ты как-то мягче стала, округлилась в нужных местах…

– Да? – обрадовалась Жанна. – Вот и я мужу сказала: я вылитая Волочкова, просто много ем.

Жанна попыталась изобразить батман, пнула табурет, и тот опрокинулся на пол.

– Не тяжело тебе будет с тремя детьми? – спросила я. Подруга подняла табурет, заглянула в духовку и снова уселась напротив.

– Знаешь, это с одним тяжело. А где два, там и три. Особой разницы нет. И потом, у меня такая свекровь… Я там не одна, Юль. Мне очень помогают и она, и сестры Романа. Не поверишь, но они дерутся, кто будет возиться с моими детьми. Так что я лежу в саду, ем черешню… Потому что клубнику уже видеть не могу. – Жанна рассмеялась. – Когда Ромка узнал, что у него будут дети, он мне ноги целовал. Сказал, что полюбил меня с первого взгляда.

– А ты?

– Ну и я, не будь дурой. Тебе когда-нибудь мужчина целовал ноги?

Я отмахнулась.

– Ты как в том анекдоте, Жанн. Когда Волк говорит Красной Шапочке: «Я тебя сейчас поцелую туда, куда никто не целовал». А она: «В корзинку, что ли?» Так вот и я… Куда меня только не целовали… Ромка-то почему не приехал?

– Через два дня приедет. Ты давай рассказывай, что у тебя происходит. Шмелев нагнал тут страху, что ты опять с какими-то маньяками якшаешься. Погоди, пирог достану…

Под пирог и киндзмараули я выложила Жанне все, позабыв, что за рулем и пить мне вообще-то не следовало. Жанна, пригубив рюмочку, слушала молча, время от времени изумленно ахая.

– А потом я снова отправилась на допрос в прокуратуру, – уныло закончила я, описав последнюю встречу с Кириллом у дома убитого Боталова. – Эта мерзкая мымра из меня все соки выпила. Можно подумать, я знаю, почему убийца мне звонит.

– Как, говоришь, ее фамилия? – задумчиво спросила Жанна.

– Земельцева Лариса… отчества не помню. Игоревна, кажется. Или Егоровна.

– А выглядит как?

– Да никак. Тощая, патлатая, типичный антисекс с черными мешками под глазами. Мерзкая такая, как паучок скукоженный. И взгляд такой… мутный, как у ненормальной. А что?

– Ничего. Кажется, я поняла, о ком ты говоришь. Ей что-то около сорока?

– Да. Она вроде в районной прокуратуре где-то раньше трудилась, а потом ее в город перевели. Не знаю, за что нам такое счастье…

– Я знаю, – скривилась Жанна. – Ее под шумок перевели, чтобы скандал замять.

– А что за скандал?

– Ну, дело давнее, я не все помню. У нас это в посольстве известно стало, когда кое-кого посадили за торговлю левыми паспортами… Только ты никому не говори!

– Жанн, ну ты же меня знаешь…

– Знаю, потому и говорю – никому. И Никитке не говори, он же наверняка начнет там землю рыть, а дело скользкое было. В общем, Лариса эта хотела вызволить с зоны любимую свою.

– Любимого?

– Дура, ты чем слушаешь? Любимую. Лесбиянка она.

Я вытаращила глаза.

– Ну надо же! То-то она смотрела на меня как-то… ну, мужики так смотрят. И чего?

– И ничего. Земельцева вела ее дело, ну и… чего-то у них там закрутилось. Обещала она с кичи свою подружку вызволить, паспорт ей левый заказала через посольских, за грузинку хотела выдать и во время следственного эксперимента устроить побег.

– Устроила? – выдохнула я, боясь упустить хотя бы слово.

– Тебе еще пирога отрезать?

– Жанка, ты меня доконаешь! Я ж нервная! Устроила она ей побег?

Жанна все-таки отрезала мне еще кусочек, хотя в меня все равно больше бы не влезло. Подвинув ко мне тарелку, она вздохнула.

– Нет. Чего-то у нее там не вышло. То ли ее подружка сама проболталась, то ли узнал кто. В общем, у нас в посольстве многие потом с теплых мест полетели. Скандал был жуткий. Сама знаешь, с этой войной бесконечной многие люди документы теряли, переезжали, мы частенько документы леваком делали, через знакомых передавали. В общем, Земельцева нас под монастырь подвела. Хорошо, что я на тот момент уже замуж вышла и уехала. Меня не тронули, хотя могли бы порыться в биографии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.